

Светлана Бестужева-Лада

Одинокaя волчица

*Том первый.
Еще не вечер*

Светлана Бестужева-Лада

**Одинокая волчица. Том
первый. Еще не вечер**

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Одинокая волчица. Том первый. Еще не вечер / С. И. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

После внезапной и трагической смерти мужа молодая женщина попадает в необъяснимую ситуацию, когда невозможно понять, кто друг, кто враг и кто будет следующим покойником. Спасение приходит чудом в самый последний момент.

Содержание

Глава первая. Друзья познаются в беде	6
Глава вторая. Красиво жить не запретишь	14
Глава третья. Лето в деревне	24
Глава четвертая. Отцы и дети	35
Глава пятая. Дьявольские штучки	46
Глава шестая. Охотоведение с далеко идущими последствиями	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Одинокая волчица
Том первый. Еще не вечер
Светлана Игоревна Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Друзья познаются в беде

– И не спорь, я все делаю правильно, – внушала мне Марина, пока ее муж сосредоточенно вел машину по раскаленному и забитому транспортом шоссе. —Что ты будешь делать одна дома в четырех стенах?

Я равнодушно пожала плечами. Мне было все равно, куда ехать, мне было решительно безразлично, чем заниматься, а если честно, то делать вообще ничего не хотелось. И видеть, кстати, тоже, не говоря уже о том, чтобы вести какие-то там светские беседы. Три дня назад я стала вдовой, аккуратно через месяц после того, как мне исполнилось тридцать девять лет. И к новому состоянию, мягко говоря, не привыкла, поскольку все произошло слишком уж внезапно.

Месяц Валерий ел все меньше и меньше, худел, плохо спал, но ни на что не жаловался. А потом вообще перестал вставать с дивана. Участковый врач только руками развела и посоветовала госпитализировать. От этого мой муж наотрез отказался – больниц он на дух не переносил. Сказал – пройдет, очередная депрессия, не впервые.

Не прошло. Он так и угас, чуть-чуть не дожив до своего шестидесятилетия. Вечером заснул, а утром уже не проснулся. В состоянии транса я позвонила его единственной близкой родственнице – сестре Нине, и первый вопрос, который она задала, поразил меня даже в том почти неменяемом состоянии, в котором я тогда находилась:

– Завещание Валерий так и не написал?

Нет, завещания Валерий не оставлял. Что было завещать-то? Библиотеку по философии? Старый, расстроенный рояль? Или мою скромную гордость – новую кухню, отделанную «вагонкой» и облицованную замечательной плиткой? Кухню – мечту советской домохозяйки восьмидесятых годов? Ничего не скажешь, богатое наследство!

Похоронами распорядилась Нина, хотя деньги за все платила я. Распорядилась по телефону, они с мужем приехали только в крематорий, причем тогда, когда печальная церемония уже почти закончилась. Так что без своей подруги Марины и ее мужа Володи, тоже моего стародавнего приятеля, я бы вполне могла оказаться на печальной церемонии одна-одинешенька.

Сын мой от первого брака проводил каникулы с отцом на каком-то из греческих островов: оба были фанатами подводного плавания с аквалангами, да и другой возможности общаться у них просто не было: мой одаренный ребенок учился в Англии в каком-то специальном биологическом учебном заведении, получив на это дело грант от Биологического научного общества. Предполагалось, что второй месяц каникул он проведет со мной и отчимом как-то менее экзотично, но, судя по всему, этим планам теперь не суждено было реализоваться. Хотя бы потому, что все деньги ушли на похороны.

По словам явившейся наконец в крематорий Нины, старенькая машина Игоря, ее супруга, чуть ли не трижды ломалась во время дороги от их дома на Шоссе Энтузиастов до крематория на Хованском кладбище. Что ж, возможно, если учесть дикую для наших широт жару. Зато перед похоронами Нина развила бешеную энергию, направленную исключительно на то, чтобы не производилось вскрытия, напирая на какие-то религиозно-этические соображения, и своего, как ни странно, добилась. Мне тогда было безразлично, от чего умер Валерий, самой жить не хотелось.

Поминки организовали сослуживцы Валерия, у него в институте. Предложение Нины отвезти меня домой и побыть со мной какое-то время я отклонила: Марина настояла, чтобы я несколько дней прожила на даче ее родителей. И вот теперь новенький «Ниссан» с кондиционером полз в плотном потоке машин по Каширскому шоссе к поселку с романтическим названием «Калинино», данным когда-то заштатной деревушке в честь всесоюзного старосты.

– Скоро приедем, – повернул голову Володя. – В баньку пойдешь, Светуля?

– В такую жару? – вяло удивилась я. – Нет, это без меня.

– Тогда в бассейн.

– Какой бассейн? – не поняла я юмора.

– Прямоугольный. Пять метров на шесть, специально отфильтрованная и подогретая вода, ну, и прочие прибамбасы...

– Ты давно у нас не была, – грустно усмехнулась Марина. – Года два, наверное?

– Что-то в этом роде...

– Так ты дачу не знаешь. Это теперь такая нормальная вилла среднего «нового русского». Все удобства, три этажа, подогретый пол, сауна с зимним садом и бассейном. Ну, еще открытая веранда с камином для барбекю и пруд с карпами.

Оптимизма в голосе моей подруги почему-то не наблюдалось. Она перечисляла все эти приметы роскошной жизни, будто декламировала таблицу умножения, даже не пытаясь хоть как-то расцветить текст интонациями. Странно...

– Красиво жить не запретишь, – сказала я банальную фразу и почувствовала, как Марина крепко стиснула мою руку.

– Потом поговорим, – шепнула она, почти не шевеля губами.

Я несколько удивилась, но промолчала. Удивилась тому, что в первый раз в жизни у Марины завелись какие-то секреты от мужа. Обычно она просто жила его жизнью, слушала, затаив дыхание и только что не открыв рот, а уж иметь какие-то тайны...

Но заикливаться на этой мысли я не стала: почувствовала приближение головной боли, которая в последнее время довольно часто накатывала на меня ни с того, ни с сего, да еще сопровождалась всякими малоприятными побочными явлениями. Ладно, Маринкина мать – врач, что называется «от бога», даст какую-нибудь пилюльку.

И все-таки странное поведение Марины не выходило у меня даже из разболевшейся головы. Бедняжка столько лет безнадежно сохла по Володьке. Я-то была в курсе: мы с Мариной учились в одном институте, в одной группе. И именно она познакомила меня с Володей: так вышло, что я пришла к ней за конспектами, когда он был у нее в гостях.

Тогда я ничего не заподозрила, тем более, что Володька после этого приволокнулся за мной и случился небольшой романчик. Когда же романчик завершился, причем достаточно экстравагантно, я поведала об этом Марине. И чуть не упала в обморок, когда услышала в ответ:

– Слава Богу! Теперь у меня опять появилась надежда.

– Надежда на что? – пролепетала я.

– На то, что он поймет, наконец, как я его люблю.

– Ты его любишь?! Так скажи ему...

– Ни за что! – отрезала Марина.

И продолжала безнадежно страдать. То есть это мы считали, что безнадежно, она-то свято верила в то, что рано или поздно его заполучит. Их отцы дружили с незапамятных времен, фронтовая дружба, кажется. Володин отец был обыкновенным инженером, а Маринин стал крупной «шишкой» в Морфлоте, устроил туда дочку. Какое-то время и Володя там подвизался, но ему быстро надоело присутствие «от и до» и рутинная работа программиста и он, не без помощи Маринино отца, нашел себе работу переводчика с частыми zahraničnymi командировками.

А потом он неожиданно для всех женился. Классический вариант провинциальной красотки-лимитчицы, которая подцепила москвича с квартирой. Володиных родителей к тому времени уже не было в живых, иначе они, безусловно, такого брака не допустили бы. Бухгалтерша из ЖЭКа! Без родни, без связей, со временной московской пропиской и служебной комнатой!

Марина даже была на свадьбе, впрочем, как и я. Мои лирические чувства к Володке давно сменились добрыми приятельскими отношениями, я успела выйти замуж и родить сына, так что от души кричала «Горько!» и желала молодым счастья. Марина же держалась безукоризненно, ничем не выдавая своего отчаяния и ревности. Мне бы такую выдержку!

– Это ненадолго, – ответила она на мой безмолвный вопрос. – Я Володю слишком хорошо знаю, эта провинциальная щучка ему быстро надоест. И вот тогда...

– А если и тогда – нет? – полюбопытствовала я.

– На нет и суда нет, – сухо усмехнулась Марина.

Ошиблись мы обе. Володин первый брак продержался два года, а потом Лариса потребовала развода, виртуозно разменяла двухкомнатную смежную «хрущобу» на две приличные однокомнатные квартиры и... пришла работать в «Морфлот», причем устроил ее туда опять же Маринин отец. А через месяц после этого знаменательного события Марина позвонила мне и пригласила на свадьбу. Конечно, она выходила замуж за Володю и была безумно счастлива.

Почти тут же мне позвонила Лариса, с которой у меня за время ее брака с Володей сложились вполне приличные, даже полу-приятельские отношения и поинтересовалась:

– Слышала сногшибательную новость? Мой бывший женится на этой вобле...

Женщины по природе добры и благожелательны. С моей точки зрения, самой Ларисе не повредило бы некоторое ограничение в еде и регулярные занятия спортом, но я ей никогда об этом не говорила. Марина же к тридцати с лишним годам сохранила девически изящную фигуру. В общем, как в популярном телефильме: «Девушка стройна, мы скажем: «Мощи».

Впрочем, эти две женщины были во всем противоположны: изысканно-элегантная брюнетка Марина, в неброских и скромных туалетах и с единственной слабостью к тяжелым серебряным перстням с камнями и без оных, и разодетая в пух и прах рыжая Лариса, у которой все было чересчур ярко, чересчур модно и показушно-дорогое. Противоположности, как видно, далеко не всегда сходятся.

– Слышала, – ответила я. – Ты переживаешь?

– Вот еще! – хохотнула Лариса. – Все, что мне было нужно, я получила. Володенька платит по моим векселям: полагаю, что эта женитьба – компенсация за мое трудоустройство.

– А если это любовь?

– Не смей меня, Володя не способен любить кого бы то ни было, кроме себя самого. Вот тут действительно настоящее чувство – даже не любовь, а самозабвенная страсть к себе, единственному.

– Допустим. Но, во-первых, почему же он тогда на тебе женился? По расчету? Или по глупости?

Ответом мне было молчание. А я еще добавила:

– И почему ты решила, что речь идет о Володиной любви? Это Марина его любит чуть ли не со школьной скамьи.

– Вот стерва! – с неподдельной страстью отреагировала Лариса. – А я ее в своем доме принимала, думала – старая Володина подруга. Вот и верь после этого женщинам.

– А ты и не веришь, – от души расхохоталась я. – Ни женщинам, ни мужчинам. И, наверное, правильно делаешь. Между прочим, сама виновата: зачем мужика отдала? Кстати, поделись профессиональным секретом: как тебе удалось так выгодно обернуть развод? Сплошной выигрыш...

– Просто повезло, – отрезала Лариса, в принципе, довольно откровенная, чтобы не сказать – болтливая.

И не пожелала больше говорить на эту тему. Меня это удивило: девушка обычно со вкусом распространялась о том, как ей удалось купить что-то первоклассное по цене второго сорта или заставить кого-то оказать ей дорогостоящую услугу практически даром. А тут – как воды в рот набрала...

– Приехали, милые дамы, – оторвал меня от воспоминаний Володин голос. – Вот моя деревня, вот наш дом родной...

Н-да, действительно давненько я здесь не была. Прежней деревни просто не было, а был поселок из разновеликих и разномастных коттеджей, каждый окруженный собственным забором в зависимости от вкусов и средств хозяев. Наша машина подъехала к высокому дощатому забору, явно новому и покрытому чуть ли не лаком «под красное дерево». Ворота, правда, были без дистанционного управления: Марина вылезла из машины, отперла неприметную калитку справа от ворот и вошла внутрь. Я поволоклась за ней, в машине, как только она остановилась, стало нестерпимо душно и жарко.

Пока Маринка отпирала ворота, я с любопытством оглядывалась по сторонам. Старый, заросший буйной крапивой-лопухами и кривыми древними яблонями участок совершенно преобразился. К дому за пышными кустами то ли жасмина, то ли сирени, вела мощеная камнем дорога – к открытому гаражу сбоку от дома. Более узкая, но тоже мощеная камнем дорожка огибала дом и разбегалась во все стороны по безукоризненным газонам, глядя на которые нельзя было даже заподозрить сравнительно недавнее существование там грядки с клубникой и петрушкой-морковкой. А посередине всего этого великолепия красовался псевдояпонский прудик с красным горбатым мостиком и маленьким водопадом. Картинка из журнала «Красивые дома», ни больше, ни меньше.

– Любуешься? – услышала я за спиной голос Марины. – Это еще цветочки. Ягодки в доме произрастают.

– Банк ограбили? – пошутила я.

Как выяснилось, пошутила крайне неудачно. Худое, подвижное лицо Марины как-то застыло, а губы и скривила горькая гримаска. Мне стало не по себе: неужели мой старинный приятель вляпался в какой-нибудь криминальный бизнес? Переводчик с русского на английский? Типичная кабинетная крыса? Что-то тут не срасталось.

– Пойди посиди у прудика, отдохни, – потянула меня за руку Марина. – Или хочешь сначала дом посмотреть? Придут родители, сядем за стол. Мама со вчерашнего дня к твоему приезду готовится, из кухни не вылезала.

Мысль о еде меня, честно сказать, не вдохновила. Вообще последнее время мой и без того скромный аппетит как будто исчез, я если и ела что-то, то за компанию или по рассеянности. К тому же голова болела все сильнее, даже черные точки перед глазами начали мелькать.

– Ты что такая зеленая, Светуля? – спросил меня неслышно подошедший Володя. — Укачало в дороге?

Я хотела ответить, что меня в принципе не укачивает, но тут у меня перед глазами все поплыло и я рухнула в абсолютную безмолвную черноту...

Очнулась я в совершенно незнакомой мне комнате, довольно большой, с камином, мягкой мебелью и огромным телевизором. Откуда-то доносились приглушенные голоса, а рядом со мной на пуфике сидела маринкина мама, Софья Михайловна, и внимательно вглядывалась в мое лицо, одновременно считая пульс.

– Здравствуйте, тетя Соня, – чисто машинально поздоровалась я. – Где это мы?

– Ты у нас на даче. Вспомнила?

– Мы же в дом не заходили, – попыталась я напрячь мозги, что тут же вылилось в очередную прилив головной боли.

– И часто у тебя так? – спросила меня тетя Соня.

– Так – впервые, – честно ответила я, стараясь меньше шевелить губами. – Но головные боли вообще-то замучили.

– К врачам ты, конечно, не обращалась, – уверенно констатировала маринкина мама.

Я вяло пожала плечами. Болит голова – прими таблетку, а у наших врачей только два диагноза: жив или мертв. Афоризм этот принадлежал моему мужу Валерию, который эскула-

пов, мягко говоря, не жаловал. Правда, и таблетки принимал крайне редко. Правда, впрочем, и то, что я уже три дня – вдова...

– Сейчас я тебе дам болеутоляющее и успокоительное...

– Я вроде не нервничаю.

– Но стресс-то у тебя, безусловно, есть.

Наверное, есть. Все-таки смерть мужа, да еще скоропостижная, очень весомый повод для стресса. Слез у меня не было – уже не было, я их все выплакала в первые же сутки, поскольку вообще не склонна к такому проявлению эмоций и запас этой соленой жидкости у меня, судя по всему, ограничен.

– Отлежишься немного, а потом поедем. Я твои любимые пирожки испекла.

Увы, мысль о еде на сей раз вызвала у меня только приступ тошноты, причем это было заметно невооруженным глазом.

– Да что с тобой, деточка? Ты случайно не беременна?

Я покачала головой. Вот уж чего нет, того не может быть. Наши супружеские отношения с Валерием прекратились полгода назад, как только он ощутил первые признаки недомогания. Точнее, самый первый признак – мужскую несостоятельность. Валерий приписал это возрасту и стрессам. Я же... да что греха таить, просто не придавала особого значения. Муж меня любил, я любила его, а все остальное... Не такое уж большое место занимал секс в нашей жизни и дот этого.

– Сильно смахивает на токсикоз, – заметила тетя Соня. – Или...

Она замолчала.

– Или на что? – пробилось через головную боль мое природное любопытство.

– Или на сильное отравление. Что ты ела в последнее время?

– Ничего, – абсолютно искренне ответила я. – Только кофе пила и курила.

– Спиртное?

– Нет. Я его вообще плохо держу, а в эти дни...

– По уму надо бы тебя положить в больницу на обследование.

– Лучше сразу в морг, – мрачно ответила я. – На больницы у меня идиосинкразия.

Тетя Соня могла бы мне сказать, что в морг я при таком отношении к собственному здоровью уж точно попаду, причем довольно быстро. Но она промолчала, поскольку всегда была в высшей степени тактичным человеком. Только вздохнула и поднялась.

– Сейчас принесу лекарства, – сказала она и вышла.

Почти тут же в комнате появилась Маринка. Вид у нее был такой, как если бы я действительно уже попала в морг, а она пришла обряжать меня в последний путь.

– Ну и напугала же ты нас! – сказала она, садясь на место Софьи Михайловны. – Хорошо, что мы тебя сюда привезли. Что бы ты дома одна делала?

– Лежала бы, – вяло ответила я. – Не психуй, я последние несколько месяцев что-то хандрю. В обморок, правда, еще не грохалась. Жара, наверное...

– Будем надеяться, – хмыкнула Марина.

Тут вернулась ее мама с лекарствами и стаканом воды. Я покорно проглотила три разноцветные пилюльки и закрыла глаза. Дурнота, будь она неладна, не проходила. Мне даже курить не хотелось, что само по себе говорило о многом.

Тем не менее, таблетки свое действие все же оказали. Где-то через полчаса я рискнула спустить ноги с дивана и сесть. Голова побаливала, но не кружилась и вообще общее состояние пришло к моей обычной норме: ощущение легкого недомогания. Этим уже можно было пренебречь и пойти поискать свою сумку с сигаретами.

Вставая с дивана, обитого чем-то вроде бархата темно-синего цвета, я обнаружила, что на подушке осталось довольно много моих волос – длинных и рыжих. Не хватало только оплешиветь на нервной почве, а такие случаи бывают, я знаю. Впрочем, шевелюра бывает без-

упрежной только в рекламных роликах. Валерий вон за пару месяцев потерял практически все волосы – свою роскошную, седую гриву, которой так гордился. Теперь вот я лысеть начинаю, воистину, муж и жена – одна сатана, даже если один уже на том свете.

Из гостиной я прошла через некий гибрид столовой и кухни – тоже немаленьких размеров и шикарно обставленную – и вышла наружу. Куда подевались хозяева, я понятия не имела, но сумку свою обнаружила в незапертой машине и побрела к диванчику-качелям, стоящему на мощеной площадке возле пруда. Первая же затычка сладко ударила в голову и тут же я услышала низкий голос Володи:

– Ну, значит, совсем ожила, раз смолит. Что ж ты, подруга дорогая, народ пугаешь?

– Я нечаянно, Вовчик, народ пугаю, – виновато сказала я. – Наверное, бензин кончился.

– То есть? – поднял брови Володя.

– А это мой любимый анекдот. Приходит мужик с котенком в бар и говорит бармену: «Мне виски, а ему – бензина рюмку». Ну, желание клиента – закон, мужик выпивает свою рюмку, а бензин котенку в варежку вылил и опустил на пол. Котенок побегал, побегал кругами – брык. И лапки врозь. Мужик глянул и говорит: «Бензин, однако, кончился»,

– Хороший анекдотец, – хохотнул Володя. – Может, тебе плеснуть моего бензинчика?

– Это какого?

– Да любого. У меня тут бар вполне приличный, выбирай – не хочу. Ты ведь еще дом не видела.

– Давай пока просто так посидим. Наклюкаться мы еще успеем.

– Кто бы говорил, – фыркнул Володя. – Сколько тебя знаю, ни разу пьяной не видел. Так, веселенькой.

– Так ведь пьют по двум причинам, – сообщила я, – для дури и для запаха. Дури у меня своей хватает, а для запаха есть французские духи.

– Значит, мне дури не хватает, – философски сказал Володя. – С запахом, вроде, никакой напряженки не наблюдается.

Это точно. Вокруг Володи всегда витало некое облако дорогого парфюма и недешевого трубочного табака. Он всегда был чисто выбрит, безупречно одет и благоухал дорогим мужским одеколоном, причем этот запах я помню с тех самых пор, как мы знакомы.

У Володи слова с делом никогда не расходятся, а одно из его жизненных правил гласит: «Светский человек не должен менять парфюм, чтобы казалось, будто это – его собственный запах». Володин одеколон назывался «Драккар нуар», и лишь тогда, когда к нам хлынули заморские товары, я увидела на витрине этот флакон – и обалдела. На такую сумму можно прожить месяц, ни в чем себе не отказывая...

– Избушку-то кто перестраивал? – спросила я без особого любопытства.

– Рабочие, – последовал лаконичный ответ.

– А план кто придумал?

– Архитектор.

– Понятно, что не сантехник, – сказала я с легким раздражением. —Откуда взял архитектора-то?

Володя как-то загадочно усмехнулся.

– Старые связи, очень старые. Считай, с институтских времен. Так что бешеных денег платить не пришлось.

Володя явно не хотел вдаваться в подробности, да и меня они, если честно, не сильно интересовали. Поэтому я сочла за благо тему разговора сменить.

– А где весь остальной народ-то? Марина, тетя Соня?

– Пошли тестя встречать. Лев Григорьевич у нас парнишка старой закалки, казенную машину на дачу гонять совестится. Демократично ездит электричкой, благо от станции ходу минут десять.

– А тебя, стало быть, оставили бдеть у моего одра?

– Умная девочка, сразу догадалась. А что с тобой вообще происходит?

– Откуда я знаю! – огрызнулась я. – Вскрытие покажет. Стресс, скорее всего, я ведь даже не представляю себе, как буду дальше жить. Ну, месяц проведу с сыном, скорее всего, у какой-нибудь воды. А потом он уедет в Англию, а я...

– А ты возьмешь себя в руки и будешь жить дальше. Молодая, красивая женщина, все самое интересное у тебя еще впереди. Поверь мне, я знаю, что такое терять близких людей. Когда погибли мои родители...

Володя замолчал и отвернулся. Я молча погладила его по руке. Действительно, какая это была для него трагедия и как мужественно он держался! Мне повезло: я не умела читать мысли даже на близком расстоянии. Иначе узнала бы для себя много нового и интересного.

В саду послышались голоса: судя по всему, пришли Софья Михайловна с Мариной и Львом Григорьевичем. Пора было идти и снова разговаривать, хотя больше всего мне хотелось сейчас просто сидеть и смотреть в розовеющее перед закатом небо. И молчать.

Нужно отдать Володе должное: собеседник он был блестящий, но обладал редким умением молчать, не тяготясь молчанием. В конце концов, мы были знакомы так давно – почти пятнадцать лет.

– Поговори при случае с Мариной, – сказал Володя, тоже поднимаясь с качелей. – Мне не нравится ее настроение.

– О чем поговорить? – не поняла я.

– О том, о чем она наверняка сама захочет с тобой побеседовать. Ты мой единственный друг, Светуля, больше мне надеяться не на кого.

Ну, что ж, на то они и друзья, чтобы познаваться не только в беде, но и просто в неприятностях.

Подтекст.

Какое же это было невероятное облегчение: осознать, что свободен. Свободен от необходимости считаться с привычками и намерениями совершенно, в общем-то посторонних и давно не интересных ему людей. От беспокойства, что кто-то может грубо вторгнуться в любовно созданный тобой мир и нанести непоправимый ущерб. Свободен от всего!

И правильно: он, такой умный, необыкновенный и талантливый должен быть в особенном положении. Свобода – это действительная осознанная необходимость, и уж кому-кому, а ему это известно на собственном опыте. Благословен будь тот шофер-лихач, который так во время снес автобусную остановку с пассажирами.

Как его ждал, когда он осиротел! Его собственную холодную отрешенность воспринимали как глубоко запрятанные душевные муки. Как скорбь о самых близких ему людях. А он сжимал челюсти, чтобы не выдать охватившее его чувство облегчения и восторга. Большие не придется слушать причитания матери о том, что пора бы и жениться, а то она внуков не успеет познакомить. Внуков ей захотелось, извольте радоваться! А ему, значит, работать не для того, чтобы обеспечивать себе относительно нормальную жизнь в этой сумасшедшей стране, а для того, чтобы кормить и одевать сопливых и крикливых детенышей? И заботится о какой-то женщине только потому, что она их мать? Никто даже мысли не может допустить, что ему не нужны ни жена, ни, тем более, дети. Ему и родители-то давно в тягость.

Слава Богу, больше не придется терпеливо слушать бесконечные рассказы отца о фронтовом братстве, о том, каким должен быть настоящий мужчина и прочую сентиментальную чепуху, которую нес выживший из ума старик. Что он завоевал в этой войне? Двухкомнатную квартиру в кошмарном доме на окраине города? Или право раз в год приобрести что-то недоступное другим людям: холодильник или телевизор? Добро бы импортные, а то – оте-

чественные монстры, на которые без слез взглянуть невозможно, не то, что ими пользоваться.

И еще нытье о чести и совести, о том, что нужно уважать самого себя и не поступаться принципами. Один раз сказал отцу, как бы в шутку: «Воробей отметил: раньше совесть была – без итанов ходил, а теперь вот две пары имею». А орел подтвердил: «Вот именно». Господи, какую нотацию пришлось выслушать!

Мало ему было того, что приходилось скрывать свои настоящие деньги от родителей. Ежемесячно он давал им достаточно скромную сумму «на хозяйство». И скрежетал зубами от необходимости изо дня в день есть «макароны по-флотски» или – верх роскоши! – котлеты с жареной картошкой, а не парное мясо со свежими овощами. С омерзением курил вонючие сигареты отечественного производства, а не трубку с душистым табаком. Бесился, потому что всем напиткам на свете предпочитал виски с содовой, но не мог принести в дом дорогую бутылку. И так во всем.

Но теперь он уже ученый. И повторения ситуации несвободы и подконтрольности не допустит, какие бы способы для этого ни пришлось использовать. Людьюми он манипулировать всегда умел, а глупыми моральными принципами, наоборот, никогда отягощен не был. И не будет.

Глава вторая. Красиво жить не запретишь

После ужина, в котором я принимала чисто символическое участие, меня повели осматривать апартаменты. Внизу, помимо гостиной и кухни-столовой, обставленной тоже в стиль картинки из журнала, была спальня мариных родителей, большой и комфортабельный санузел, а также лестница, ведущая вверх. Там помещались – совершенно изолированно от родителей – Марина с Володей, причем у Володи имелся собственный кабинет с выходом на довольно просторный балкон, а к супружеской спальне примыкал опять же санузел. Имелась еще и гостевая комната – тоже с персональными удобствами и балконом.

В общем, один бы день так позитить! Я уже не говорю про отдельно стоящий домик с открытой верандой и камином, сауной и бассейном, причем нечто подобное я видела только в кино про «нездешнюю» жизнь. Сколько стоила вся эта роскошь я, конечно, не знала, но предполагала, что – недешево, но и семья в конце концов была не нищая. Впрочем, считать чужие деньги – пустое и неблагодарное занятие.

После купания в бассейне мы втроем сидели у горящего камина, попивали джинс с тоником, курили и говорили о всяких житейских вопросах. Марину, например, больше всего интересовал вопрос моего здоровья и она устроила мне такой допрос с пристрастием, что папа Мюллер мог с чистой совестью уходить в отставку и оставить гестапо в надежных руках.

– Похоже на лучевую болезнь, – внес свою лепту в разговор Володя, – но в задачке спрашивается: где ты могла схватить дозу? Вряд ли ты лазишь по всяким помойкам...

– Скрупулезно подмечено, – не без яда ответила я. – Помойки – это не мой ареал обитания. Я все больше дома, за компьютером. Как и ты, впрочем.

– И как ты собираешься лечиться? – поинтересовалась Марина.

– Само пройдет, – отмахнулась я. – Между прочим, несколько месяцев назад у нас детишки – или просто проказники какие-то – бутылку с ртутью в подъезде грохнули. Тогда всем несладко пришлось. А потом как-то рассосалось и забылось. Хотя одна бабулька, кажется, померла: хотела сама все убрать.

– А Валерий? – негромко спросил Володя. – Он-то как себя чувствовал?

– Слушай, а ведь действительно после этого... Но он же вообще лечиться терпеть не мог. Да, это вариант.

Вариант вариантом, но при воспоминании о тех страшных днях снова выбило меня из колеи и я позорно расплакалась. Маринка кинулась в дом за успокоительным, а Володя просто положил руку мне на плечо и плеснул в бокал изрядную порцию неразбавленного джина. Говорить слова – это было не его амплуа, он предпочитал действие. В отличие от Валерия...

Наш союз никак не укладывался в стандартные рамки счастливого или несчастливой пары. Мы были явно необычной парой. Встретившись в достаточно зрелом возрасте, мы не проходили периода бурной страсти, с самого начала наши отношения были очень спокойными, со стороны даже казавшимися излишне рассудочными.

Даже внешне это выглядело именно так: разница между нами была «всего» двадцать лет, Валерий казался гораздо старше своего возраста – высокий, худой, с гривой рано поседевших волос, с глубокими морщинами вокруг рта и на высоком лбу, с умным, пронизательным взглядом, всегда становившимся теплым, любящим и слегка тревожным, когда он смотрел на меня.

А я всегда выглядела гораздо моложе своих лет, благодаря пышной рыжей косе, пристрастия к спортивной одежде и маленькому росту – Валерию я едва доходила до плеча. Поэтому он во всех отношениях всегда смотрел на меня сверху вниз и имел на это полное основание, поскольку легкомысленной я была всегда.

Он был для меня скорее любящим, терпеливым и снисходительным отцом, нежели мужем. И самое удивительное – такое положение вещей меня вполне устраивало. С ним мне

было абсолютно спокойно, я чувствовала себя надежно защищенной от всех житейских невзгод и неурядиц, словом была за ним, как за каменной стеной, уж простите за банальность. Забилась в теплую, уютную норку его любви и заботы и обрела, наконец, тот душевный комфорт, который необходим каждому человеку, а женщине особенно.

Кроме того, мне всегда было с ним очень интересно. Обладая богатейшей эрудицией, он щедро делился со мной своими знаниями, будучи человеком невероятно начитанным, деликатно направлял мои литературные вкусы и пристрастия таким образом, что и я стала достаточно хорошо разбираться в книгах, языке и стиле. Именно Валерий был моим первым читателем и самым строгим критиком. Тогда я еще только начинала переводить беллетристику, и это ему я целиком и полностью обязана вскоре появившимся у меня профессионализмом. Сказать откровенно, без него я никогда бы не стала тем, кем стала теперь. Старый сюжет Пигмалиона и Галатеи...

И все было бы хорошо, но только я одна знала, что означал тот тревожный огонек, который все чаще и чаще загорался в его глазах. Валерий был необыкновенно, почти патологически ревнив. Он так боялся меня потерять, что не переносил присутствия мужчин рядом со мной, исключения составляли только старики и почему-то Володя. Видимо, в моем старом приятеле он не чувствовал конкурента, а интуиция была у него просто дьявольской. Увы, все остальные мужчины изначально рассматривались им как потенциальные соперники, исключения он не сделал, как это ни странно, даже для моего сына. Подозреваю, что он помог отправить его учиться за рубеж еще и потому, что хотел быть в моей жизни вообще единственным.

В результате он своего добился. Отвадил всех моих приятелей мужского пола по инстину, по работе, не поощрялось даже мое общение с женщинами, у которых мужья были моими ровесниками. Исключение составляла только еще одна моя подруга – Галка, муж которой был тоже чуть ли не вдвое ее старше.

А чтобы «его дорогая малышка» ненароком не заскучала, Валерий постоянно таскал меня на всякие светские мероприятия, всячески баловал и дарил цветы. Но потом оказалось, что наука, как таковая, в нашей стране не больно-то нужна, а уж философия...

От депрессии Валерия спасло прежде всего сознание того, что будет со мной, если он заболеет. И та роль, которую он на себя взял в изменившихся обстоятельствах. Он освободил меня от всех домашних забот, а я стала работать в три раза больше, чем до этого. Кроме того, моему мужу пришлось стать посредником между мной и издательством, так как я плохо разбиралась в деловых вопросах. И снова я почувствовала себя в безопасности и комфорте. Почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Вернулась Маринка с какими-то каплями, которые я машинально выпила, даже не почувствовав вкуса, и изрекла приговор:

– Значит, так. Какое-то время мы поживешь у нас здесь, на свежем воздухе и с нормальным питанием...

– Через две недели приедет Алешка, – попыталась я напомнить ей о своем материнском долге.

Но она только отмахнулась.

– Алешке здесь тоже будет прекрасно. Есть велосипед, бассейн, прекрасная библиотека, даже две: папина и Володина. На третьем этаже пустая мансарда, поставим туда тахту и все прочее. Что ты будешь делать дома одна?

Я пожала плечами.

– Вот именно. Денег на курорты у тебя все равно нет, а переводить свои детективы ты прекрасно можешь и здесь. В гостевой комнате есть портативный компьютер. Все равно в свое издательство ты чаще двух раз в месяц не являешься. В крайнем случае, сейчас у всех, слава богу, мобилки: понадобится – вызовут.

– Марина права, – неожиданно сказал Володя. – Сейчас тебе нельзя быть одной. То есть не одной, а предоставленной самой себе. Софья Михайловна тебя полечит, таблетки я достану, я уже примерно представляю себе, в чем дело...

Ничего удивительного в этом, кстати, не было. За свою карьеру переводчика Володя перетолмачил километры специальной литературы, в основном, на медицинские темы. Так что тут он и самой Софье Михайловне мог дать фору.

– А переизбыток общения тебе тут не грозит, все люди деликатные.

– И как долго ты предлагаешь мне сидеть у вас на шее?

– Дура, – беззлобно сказал Володя. – Если тебя так уж мучает совесть, будешь стричь газоны и кормить рыбок в пруду. Или тебе во что бы то ни стало хочется сидеть одной-одиношенькой в душной квартире в центре и жалеть себя? Тоже вариант, но – для слабонервных неврастеничек.

– Спасибо, – тихо сказала я. – Но хоть за алешкино-то питание я должна что-то платить. Он ведь не я – жрет в три горла, как его папенька. Только молоко, в отличие от него, не уважает.

– А твой бывший муж с чего это к молоку так пристрастен? – удивился Володя. – Мне казалось, он предпочитает напитки покрепче.

– Правильно казалось, – вздохнула я. – В результате имеем то, что имеем. Но он трудится в каком-то ящике, где имеют дело с радиацией. И молоко пьет исключительно в профилактических целях.

– С радиацией? – переспросил Володя и надолго замолчал.

– Не хочешь еще раз окунуться? – спросила Марина. – В этом году не Москва, а просто Акапулько какой-то.

– Пожалуй. Сейчас купальник принесу, наверное, высох уже.

– Фигней не страдай, – обронил Володя, закуривая трубку. – Я купаться не пойду, можете поплескаться нагишом. Да я бы и так ничего принципиально нового не увидел...

Н-да, тактичность никогда не входила в основной набор Володиных достоинств. Напоминать бывшей любовнице при нынешней жене... Маринка, конечно, в курсе, да и времени прошло немало, но все-таки хорошим тоном я бы такое замечание не назвала. Марина же, как всегда, предпочла чужой промах проигнорировать.

– Слушай, дорогая, – сказала я, когда мы погрузились в теплую голубоватую воду, подсвеченную снизу и сбоку специальными прожекторами, – я просто потрясена. Все так шикарно. Наверное, влетело в копеечку? Извини, конечно, что лезу не в свое дело...

– Именно об этом я и хотела с тобой поговорить, – чуть слышно сказала Марина, приблизившись ко мне почти вплотную. – Мне страшно. Я не понимаю, откуда у Володи столько денег.

– Но он же пашет, как проклятый, – тут же встала я на защиту приятеля. – И за его переводы платят более чем прилично...

– Я знаю. Двадцать долларов за страницу. В день он может перевести максимум двадцать, но это бывает редко, обычно десять-пятнадцать. В общем, даже если считать, что он работает тридцать дней в месяц, получается двенадцать тысяч. Один бассейн стоит в три раза больше! К тому же мы едим, пьем, платим налоги, недавно купили новую машину... В общем, не сходится.

– Ты тоже зарабатываешь...

– Да. Семьсот в месяц.

– И твой отец...

– Володя у него денег не берет принципиально. Дачу ведь переписали на меня, они вроде бы и не хозяева. Светик, я боюсь, что он влез в какой-то криминал. Честным трудом таких денег не заработаешь...

– Это если совесть воспаленная, – сказала я, вылезая из бассейна и обматываясь полотенцем. – И вообще зависит от человека. Вон Валерий, царствие ему небесное, ни честно, ни

нечестно не мог заработать больше сугубо необходимого. А мой бывший супруг катается, как сыр в масле, потому что, не отходя от рабочего стола, в своем «ящике» создал какую-то шарашкину контору и теперь ездит исключительно на иномарке, обедает в ресторане, а одевается у Армани. И утверждает, что копит Алешке на отдельную квартиру, во что мне слабо верится.

Марина тоже вылезла из воды и устроилась с сигаретой в шезлонге напротив меня.

– Алешкин квартирный вопрос ты и сама можешь решить теперь. Извини, конечно, за бестактность. Трехкомнатная квартира в центре меняется на что угодно приличное, хоть на две двухкомнатные. И пусть твой бывший муж живет безмятежно.

– Успеется, – махнула я рукой. – Альке еще два года в колледже и четыре – в институте, если стипендию получит. Может, он и в Россию-то возвращаться-то и не планирует. Что ему тут светит?

– Ладно, в любом случае, время у тебя есть. Вступать в наследство нужно только через полгода, а за это время много чего случаться может. Так что думаешь, я преувеличиваю? Можно заработать большие деньги, не нарушая закона?

– Умеючи, наверное, можно. А вдруг он в компьютерную биржу играет? Знаешь что, живи и радуйся, что живая и при любимом муже, да еще о куске хлеба думать не надо. Бывает хуже...

Голос у меня предательски дрогнул и Марина, естественно, не могла этого не заметить. Она тут же захлопотала вокруг меня, рассказывая о том, какое замечательное время я тут проведу до глубокой осени, как красив сад, когда поспевают яблони и вишни со всякими сливами, как я вернусь в Москву обновленная и успокоившаяся и вообще...

Я слушала ее вполуха. Разговор, ненароком коснувшись Валерия, снова заставил меня вспомнить кое-какие периоды из нашей с ним совместной жизни. И не могу сказать, чтобы воспоминания эти были приятными...

Сначала я думала, что у Валерия на белом свете вообще никого нет, во всяком случае жил он, как настоящий отшельник. Потом оказалось, что есть родная сестра, только из-за какой-то нелепой ссоры многолетней давности они не поддерживают отношений.

Я буквально силком заставила брата и сестру помириться, мне была невыносима сама мысль о том, что, кроме меня – особы не слишком уравновешенной – у моего милого, доброго, умного мужа больше никого на свете нет. А если со мной – не приведи Бог! – что-то случится, он опять останется в обществе своих книг.

С прежней супругой он не общался, сына своего не видел пятнадцать лет. Мне, сохранившей вполне приличные отношения с отцом моего собственного ребенка, все это было странно. Как это так – бывшая жена не позволяет видеться? Сын уже давно совершеннолетний, могут решить этот вопрос между собой, по-мужски, если уж женщина оказалась стервой.

Ничего у меня не вышло. Помимо доброты, муж обладал еще и необыкновенным упрямством. Если его на чем-то заклинило, настаивать было не только бесполезно, но даже и вредно. Какое-то время он терпел мои миротворческие миссии, но потом сказал мне с той мягкостью, которой обычно камуфлировал окончательное и бесповоротное решение:

– Все, малыш, перестань зря стараться. Ты права, мой сын достаточно взрослый человек, чтобы принимать самостоятельные решения. Вот пусть он и принимает. Он знает мой адрес, телефонный номер сорок лет не менялся, захочет – встретимся. Но по его инициативе. А про мою бывшую жену, пожалуйста, больше не вспоминай. Причин много, но одну я тебе назову: для этой женщины самым главным в жизни всегда были деньги. А остальное – второстепенно. Все, тема закрыта.

И я поняла, что больше ничего не добьюсь. А вот с сестрой я их все-таки помирила, когда выяснила, что причиной их размолвки стало то, что Нина была категорически против его развода и заняла сторону бывшей жены, считая ее незаслуженно обиженной и брошенной.

С моей точки зрения – обыкновенное проявление женской солидарности, не более того. Помимо всего прочего, бездетная Нина, по словам моего мужа, души не чаяла в его сыне, своем племяннике, и беспокоилась о том, что психика ребенка окажется непоправимо травмированной разводом родителей.

Мне удалось убедить мужа сделать первый шаг к примирению и позвонить сестре. Как выяснилось, она тоже несколько тяготилась ссорой с единственным братом, да и любопытно было, наверное, посмотреть на его молодую жену, то есть на меня.

К первому визиту новообретенных родственников я готовилась очень тщательно, зная от мужа, что сестра его – прекрасная хозяйка. Я вылизала квартиру до зеркального блеска, напекла пирогов, и наготовила всяких экзотических закусок. В общем, расстаралась по полной программе и не без трепета ожидала результатов своих усилий.

Нина приехала к нам со своим мужем Игорем. Когда раздался звонок в дверь, я радостно побежала открывать, заранее настраиваясь на теплую родственную встречу, и почему-то думая, что за дверью окажется женский вариант Валерия, только поменьше ростом.

Увы, мечты слишком часто расходятся с действительностью. На пороге квартиры стояла женщина, действительно удивительно похожая на моего мужа, но так, как может быть похожа злая карикатура на оригинал. Те же черты лица, очень далекие от эталона красоты, но если у Валерия все это компенсировалось необыкновенной одухотворенностью, то здесь в каждой черточке сквозила какая-то сухая злоба. Узкие губы плотно сжаты, маленькие глазки буравили почти насквозь. Черные, как смоль волосы были скручены на затылке не узлом, а каким-то кукишем. А завершал общее впечатление ее наряд: очевидно дорогое платье, но такого кричаще-люминисцентного цвета, что у меня заломило глаза.

Из-за плеча супруги выглядывал человечек, кажется, даже ниже ее ростом, с острой крысиной мордочкой и бегающими глазками. Ничего себе родственнички, подумалось мне, но я быстро справилась с собой и стала изо всех сил изображать радость от встречи.

Но все равно мне время от времени становилось не по себе, когда на мне останавливался тяжелый и недобрый взгляд Нины. Кулинарные изыски мои она не оценила, пробормотав что-то про раздельное или разумное питание, пила только воду, зато Игорь, похоже, не ел перед этим визитом недели две: врезался в закуски так, что только уши шевелились, наплевав на явное неодобрение жены.

Хотя я и не смогла очаровать новых родственников, но у нас, тем не менее, состоялся тихий и приличный семейный вечер, вспомнили покойных родителей, порадовались тому, что у Валерия, моего супруга, наконец-то все в порядке. Даже запущенная трехкомнатная квартира приведена в пристойный вид, какого не имела, наверное, лет тридцать, если не больше.

Старый, надежный дом на Пречистенке – квартира стоит целое состояние, по нынешним-то временам. Ремонт мы сделали простенький, на всякие евровыкрутасы денег не было, но побеленные потолки больше не давили на голову и психику, а взметнулись на положенные им при постройке три с половиной метра, светлые обои радовали глаз, отциклеванные и покрытые лаком полы позволяли радостно бегать по квартире босиком. Недовольны ремонтом были только тараканы, которые в знак протеста квартиру покинули. Хотелось верить – навсегда.

– Ты ее хоть приватизировал, квартиру-то? – поинтересовалась Нина. – При твоей рассеянности мог и забыть.

– Приватизировал, приватизировал, – успокоила я ее. – Еще до того, как меня сюда прописал. Так что все в порядке.

– А твой сын тоже здесь прописан, Светлана?

– Нет, зачем? Он прописан там, где мы жили. Да и вообще Валера помог отправить его учиться в Англию. Глядишь, человеком станет.

– Что значит – станет? – возмутился Валерий. – У мальчика несомненные способности к биологии, он добился и там именной стипендии, а это мало кому удастся. Он уже стал самостоятельным человеком, я во всяком случае спокоен за твоего сына.

– Твой сын, между прочим, тоже учится... в Америке, – заметила Нина, обращаясь к своему брату и напирая на местоимение «твой». – Так вы с ним и не увиделись. Между прочим, это довольно дорогое удовольствие – учить детей за границей. Не думала, что ты на старости лет стал миллионером.

Валерий пожал плечами:

– Я не платил ни копейки, к счастью, у меня масса коллег во всех странах, которые с удовольствием помогли мне. Связи – это тоже своего рода капитал. А насчет моего сына... так я, Нина, уже привык. Да и теперь поздно. У меня Светочка и жена, и ребенок по совместительству.

– Это как? – хором спросили Нина и ее муж.

– Да она совершенно не приспособлена к жизни, – пояснил Валерий. – Не приглядишь – обязательно во что-нибудь вляпается или что-нибудь перепутает. Как дитя. Только и умеет хорошо переводить детективы.

Родственники переглянулись. Я благоразумно промолчала. Мой дорогой доктор наук и профессор философии, похоже, искренне считал, что это я – не от мира сего и полагаю, будто булки растут на деревьях, а кофе и чай текут из водопроводного крана. Впрочем, ему самому действительно было все равно, что есть, во что одеваться, и какой мебелью и тарелками пользоваться. Гений – он и есть гений.

А я, при моей непрактичности, умела довольно много: от выпечки пирогов до вышивки гладью. И еще быстро печатала на машинке и разбирала любой почерк, в том числе и совершенно неудобочитаемый – моего философа. Наконец, в первом браке, с отцом моего ребенка, я прекрасно справлялась со всеми так называемыми «святыми женскими обязанностями», да и кое-какие мужские заодно прихватывала, если уж на то пошло.

В общем, все прошло почти хорошо, а главное, моя совесть была спокойна: у моего драгоценного снова появилась родня. А родственников, как известно, не выбирают. Да и может быть, они только при первой встрече были такие зажатые и не очень приветливые, а потом переменятся.

К себе Нина нас не приглашала, а на мои приглашения отвечала вежливым отказом, ссылаясь то на занятость по работе, но на необходимость поехать на дачу и сделать накопившиеся неотложные дела, то плохим самочувствием. Слава Богу, хоть по телефону сестра с братом теперь разговаривали более или менее регулярно.

Второй визит состоялся не скоро – где-то через полгода после первого, но оказался, почему-то не менее натянутым, и значительно более коротким. Нина пожаловалась на чудовищную мигрень, потом они с мужем почему-то заторопились домой, обещали созвониться... Вот, собственно, и все контакты.

Но созвониться пришлось много позже и совсем по другому поводу...

До меня дошло, что Марина уже в который раз окликает меня по имени. По-видимому, я слишком глубоко погрузилась в воспоминания и напрочь отключилась от реальности.

– Что, Мариша? – виновато переспросила я.

– Спать пора, вот что. Пойдем, я помогу тебе устроиться. Утром я рано уеду на работу, вместе с отцом, а у мамы отпуск, она тут за тобой присмотрит. Учти, Володя встает в шесть утра и через час уже сидит за компьютером. Пока сам из кабинета не выйдет – боже сохрани ему мешать.

Ничего себе мой приятель построил свой доблестный гарнизон! Впрочем, мягким характером Володя никогда не отличался, равно как и излишней сентиментальностью.

Марина провела меня наверх в комнату причудливой формы, где широкая кровать стояла в углу в каком-то подобии ниши, созданной скосами крыши, а возле открытой двери на балкон стояло кресло и небольшой круглый столик. Еще в комнате был красиво отделанный зелеными панелями стенной шкаф, а на кровати лежало покрывало из сотни разных, но гармонично подобранных лоскутов, явно произведение рук Софьи Михайловны.

– Все необходимое тут есть, завтра разберешься. А тут тебе сок на ночь и вот мама велела выпить таблетку снотворного. Где все удобства, ты уже знаешь. Спокойной ночи, подруга, завтра вечером увидимся. Да, не забудь задернуть шторы, здесь с раннего утра солнце, разбудит.

Она клюнула меня в щеку и ушла. Я чисто машинально, как будто находилась в Москве, приняла душ, заплела на ночь косу, приняла предписанное врачом лекарство и села в кресло у балкона выкурить последнюю сигарету и полюбоваться звездным небом. Но вместо этого память то и дело возвращала меня к совсем еще недавним событиям, а чуть притупившаяся за день душевная боль, возвратилась с новой силой.

Какие все-таки странные пируэты выписывает судьба. Много лет тому назад, когда между мной и Володи вдруг вспыхнуло «большое и светлое», я представить себе не могла, насколько все это окажется скоротечным: слишком плохо я знала этого человека, точнее, совсем не знала. Но я была так молода, мне и двадцати не исполнилось, и вообще он был моим первым мужчиной. Мне казалось, это навсегда: роман плавно перейдет (под музыку Мендельсона) в гармоничную семейную жизнь, мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день...

В один прекрасный день я и умерла... почти, когда обнаружила, что параллельно Володя встречается с еще одной девушкой, Галкой, кстати, моей второй после Марины лучшей подругой. Обстоятельства сложились так, что отрицать очевидное было бесполезно, да и не в характере Володи оправдываться. Роман, естественно, приказал долго жить, какое-то время я думала, что вообще жизнь кончена, но потом все как-то устаканилось.

Мы помирились с Галкой, здраво решив, что портить многолетнюю дружбу из-за какого-то Дон-Жуана глупо, потом она встретила своего теперешего мужа и, кажется, совершенно счастлива. А я... я тоже вышла замуж, но насколько могу судить теперь, из единственного желания показать Володе, что «не очень-то и хотелось». Хотя определенная увлеченность женихом, конечно, присутствовала. Свадьба была по-провинциальному пышной (родители моего мужа были из Краснодара), мои фата и платье превосходили все мыслимые и немыслимые возможности тогдашнего модельного бизнеса. Через год родился Алешка. А еще через год мне позволил Володя...

Не понимаю, как это у него получилось, но мы стали друзьями. Зачем это понадобилось моему экс-возлюбленному, Бог весть, но, по-видимому, друг ему был нужен по каким-то одному ему известным соображениям, а я идеально подходила для этой роли. Прошное не вспоминала, слушала его, не прерывая и даже во-время задавала нужные вопросы, с глупыми просьбами не приставала, а вот советами в отношениях с женщинами иногда помогала.

Насколько мне известно, больше друзей у него не было, ни мужчин, ни женщин. С моим первым мужем они заключили что-то вроде «пакта о ненападении», а к Алешке Володя даже питал некоторую слабость, насколько он вообще был способен на слабости. А я... я, дурочка, продолжала его любить, исключительно платонически и безнадежно. Впрочем, никакого значения это не имело.

Компьютер, на котором в последнее время я трудилась дома, мне, кстати, организовал тот же Володя. У меня самой денег, естественно, не было. Он же, используя сложную систему дружеских и деловых связей, сделал так, что чудо современной техники, тут же получившее у меня имя «Кузьма», досталось мне практически даром. То ли списанное, то ли украденное.

На происхождение Кузьмы мне было решительно наплевать, зато через месяц после его появления я уже не представляла себе, как могла без него обходиться. Работа шла в два раза скорее, чем на машинке, пасьянсы – мое любимое занятие! – можно было раскладывать,

не отходя от монитора, и, главное, отпала нужда просить Марину переправлять мои рукописи с бумаги на диск (а иначе их в стремительно модернизирующемся издательстве уже и не принимали).

Сначала, правда, компьютер предназначался Алешке – для общего развития. Но очень скоро выяснилось, что мой сын имеет ярко выраженную склонность к естественным наукам, в частности, к биологии, и что если ему и нужен компьютер для работы, то настоящий, мощный, на который можно устанавливать сложные программы, моему уму вообще недоступные.

Так Кузьма перешел в мою безраздельную собственность, а сыну мой тогдашний муж купил самую навороченную модель, которую только можно себе представить. Откуда он взял на это деньги, до сих пор не имею ни малейшего понятия: мне он регулярно выдавал весьма скромную сумму на ведение домашнего хозяйства, а на все прочие просьбы и намеки отвечал просто и лаконично: «Я не Рокфеллер».

Уже из этого эпизода можно понять, что наш брак вряд ли можно было считать идеальным. Прописавшись в моей довольно убогой трехкомнатной «распашонке», доставшейся мне от бабушки с дедушкой, царствие им небесное, Иван как-то сразу почувствовал себя кореным москвичом и хозяином этой жизни. Откуда у него, сугубо русского человека, появились восточные замашки в быту, не знаю. Но они появились.

Его полная свобода вовсе не компенсировалась моей: с работы я должна была нестись домой, попутно закупая продукты и забирая Алешку сначала из детского садика, потом с продленки, и сидеть дома, ожидая с горячим ужином своего господина и повелителя, во сколько бы он ни соизволил заявиться. Беседы наши сводились к обсуждению сугубо бытовых проблем, а супружеские отношения...

Не знаю, возможно, я вообще малотемпераментная женщина, и чтобы довести меня до соответствующего состояния, нужно приложить немало терпения и умения. У Володи это как-то практически всегда получалось. У Ивана – никогда, со всеми проистекающими отсюда последствиями. А когда выяснилось, что больше детей у меня по ряду причин не будет, супруг и вовсе охладел к нашему общему ложу и выставил меня из каморки, которую гордо именывал «кабинетом». Вторая изолированная комнатуха, естественно, предназначалась сыну. Местами же моего постоянного обитания были кухня и проходная комната – «зала», как ее величали мои провинциальные свекры. Действительно зала – четырнадцать «квадратов», хоть балы задавай.

В общем, наш замечательный брак потихоньку начал трещать по всем швам. Совсем скверно стало, когда Иван даже для приличия перестал скрывать наличие у него других женщин, объясняя это тем, что со мною спать так же приятно, «как с мертвой лошадию». Тут уж иссякло даже мое терпение, но... но квартира наша принадлежала к тем, которые принципиально не размениваются на что-то приличное. Да и Алешку было жалко: отца он любил. В общем, замкнутый круг.

Разомкнулся он нечаянно. Я время от времени подрабатывала перепечаткой всяких научных рукописей, причем клиентов мне сначала присылал Володя, а потом дело пошло «по цепочке». И дошло до появления в моем доме Валерия с кипой совершенно неудобочитаемых рукописей по каким-то философским проблемам. Работу я сделала быстро и качественно, он пригласил меня в кафе, я отказалась, конспективно изложив свое положение в семье. Через какое-то время Валерий принес еще одну рукопись (подозреваю, из старых запасов, для предложения) и билеты на балет для меня и Алешки. Третья рукопись сопровождалась... предложением стать его женой.

Сказать, что я обалдела, значит, ничего не сказать. Я настолько привыкла ходить по одному и тому же жизненному кругу, как старая кляча вокруг примитивного водонапорного сооружения, что ни о каких переменах даже и не мечтала. Валерий не клялся мне в любви до гроба и не предлагал своего сердца, просто предложил стать его женой, переехать к нему

в практически пустую квартиру на Пречистенке и начать жить полноценной жизнью: ходить в театры, на концерты, просто на прогулки. И оставить супругу треклятую «распашонку» – пусть устраивает личную жизнь по собственному усмотрению, если не умеет ценить то, что имеет.

– А Алешка? – только и смогла пробормотать я.

– У меня есть возможность устроить его учиться за границей. Мальчик, безусловно, талантлив, а здесь пробиться будет трудновато. Ну что, согласны?

Я попросила на размышление три дня, после чего позвонила Валерию и сказала, что принимаю его предложение, но остается пустячная формальность: развестись с мужем. Почему-то у меня не было твердой уверенности в том, что он запрыгает от счастья при таком известии. И предчувствия меня не обманули.

– Идиотка! – орал мой драгоценный, – да тебя же просто зовут в бесплатные домработницы-секретарши. По совместительству – в бесплатные любовницы. Он же на двадцать лет старше тебя, он старик! Только тебя такой тип и может прельстить.

– Ты же меня не любишь, хотя старше всего на пять лет, – устало вздохнула я. – И при тебе я выполняю те же функции бесплатной домработницы. С любовницей, правда, напряженка, из этой категории ты меня давно выкинул. Мы чужие люди, неужели ты этого не понимаешь?

– Я просто убью этого типа! – с потрясающей логичностью ответил мой супруг.

– Не говори глупости, – отмахнулась я, – в тюрьму тебе не хочется.

– За убийство в состоянии аффекта много не дадут.

– Года три, тем не менее, отсидишь, как миленький.

Несмотря на очевидную драматичность ситуации разговор, в общем-то, начал меня забавлять.

– Тогда я убью тебя!

– Это надо делать сейчас. Ты как раз в состоянии аффекта. Тогда получишь года полтора, не исключено, условно. Но в предварилке все равно посидишь.

– С тобой невозможно разговаривать! – окончательно взбеленился Иван. – Он что, потрясающий любовник? Ты на это клюнула?

– Не знаю, – равнодушно пожала я плечами. – Не пробовала.

– Похоже, не врешь. Значит, польстилась на квартиру в центре. Помяни мои слова, это тебе еще аукнется. Наплачешься ты из-за этой квартиры горячими слезами.

Я промолчала. Интуитивно Иван угодил в точку: самым привлекательным моментом во всей этой аванюре для меня была именно большая квартира. Что ж, я не ангел, и определенная меркантильность мне тоже свойственна. К тому же я дико устала от вечного безденежья и зависимого положения: на те деньги, которые выдавал мне Иван, можно было только прокормить его самого. Все остальные расходы шли из моего кармана, а он, как легко догадаться, был отнюдь не бездонным.

В этот момент позвонил Володя: что-то ему понадобилось у меня уточнить. Трубку снял Иван и, не откладывая дела в долгий ящик, объявил, что я окончательно спятила, собираюсь разводиться и выходить замуж за какого-то старого богатого козла. «Богатый» – это были уже домыслы самого Ивана, я понятия не имела о финансовом положении Валерия, здраво рассуждая, что хуже, чем теперь, у меня с деньгами все равно не будет.

Машинисткой я подрабатывала потому, что в моем институте, в отделе научно-технической информации, платили не слишком много. Тогда-то Володька – спасибо ему большое! – и пристроил меня «халтурить» в издательство. То есть переводить невыносимо скучные тексты с английского на русский, но особого выбора у меня и не было. Зато не было и проблемы, на какие деньги купить новую пару колгот, пачку сигарет или даже что-то из косметики.

А вот когда выяснилось со временем, что все развалилось, что институт наш и сам по себе мало кому нужен, а уж тот отдел, где я трудилась – тем более, и меня быстренько сократили

за ненадобностью, издательство, наоборот, стало частным, быстро набрало обороты и стало уже открыто издавать многочисленные переводные детективы и любовные романы.

Меня задействовали именно на детективах: с любовной лексикой и проблемами у меня наблюдалась явная напряженность, а описание погонь, перестрелок и прочих мочиловков удавались мне без проблем и достаточно лихо. Кстати, Валерий подобные мои занятия всячески поощрял и помогал, как добровольный редактор. Но я отвлеклась.

После разговора по телефону с Володией Иван куда-то уехал, причем часов на несколько, а, вернувшись, заявил, что я свободна делать любые глупости, доверенность на развод он подпишет хоть сейчас, только прежде нужно поговорить с сыном и выяснить его отношение к ситуации.

Много позже я узнала (от Алешки, кстати), что в тот день Иван ездил к Володе и тот сумел найти правильные слова о том, что разбитую чашку не склеишь, во-первых, а во-вторых, очень даже неплохо для разнообразия пожить холостяком, тем более что вокруг – масса красивых, умных и сексуальных женщин.

Разговора с Алешкой я побаивалась, но, как выяснилось, зря. Мое двенадцатилетнее чадо довольно быстро взвесило все плюсы и минусы, определило возможность учебы за границей, как «клевое», и сказал, что жить пока будет там, где его меньше будут доставать нотациями, потому что в остальном он одинаково нежно относится и к отцу и к матери. Ласковый теле-нок...

В общем, тогда судьбу мою решил тоже Володя. Смешно, но счастье, пусть и недолгое, я получила из рук человека, которого так и не перестала любить. Ох, судьбы человеческие, кто вас выдумывает? А может быть, он по-своему меня тоже все-таки любил? Или... и сейчас – любит?

Это было одной из его тщательно оберегавшихся тайн: неприязнь к людям вообще. Не к какому-то конкретному человеку или группе людей, а ко всем без исключения. Мужчины раздражали своей грубостью, тупостью и, в подавляющем большинстве – неряшеством. Женщины вызвали тихое бешенство пустой болтовней, отсутствием логики, корыстностью и дурным вкусом. Он ненавидел людей, но вынужден был с ними общаться. Он мог терпеть только очень немногих, крайне немногих, которые исхитрились не раздражать, а хотя бы немного развлекать его, ни на миллиметр при этом не вторгаясь в его собственную жизнь.

Глава третья. Лето в деревне

Утром я долго не могла сообразить, где я, и что происходит. Накануне заснула практически мгновенно, как провалилась, и впервые за долгое время проспала без малейшего прерыва... Сколько же я проспала? Я взглянула на часы у изголовья и ахнула: половина двенадцатого. Ничего себе!

Накинув халат, я раздвинула шторы и даже зажмурилась: до того яркий и прекрасный день был за окном. Безоблачное небо, промытая, по-видимому, ночным дождем зелень, аромат цветов... Сказка, а не пробуждение. Права была Маринка, притащив меня в этот рай, тридцать раз права!

Я привела себя в относительный порядок и спустилась на первый этаж, где, как мне помнилось, была кухня, и мне могли налить чашку кофе. Кухню я нашла без проблем, но вот со всем остальным получилось хуже: вокруг стояло столько агрегатов, блистающих хромом и никелем, что назначение половины я просто не могла угадать.

Слава Богу, электрическим чайником я пользоваться умела, оставалось только найти кофе, хоть бы и растворимый, сахар и какой-нибудь сухарик. Главное, никого в доме, судя по тишине не было: Маринка и ее отец давным-давно уехала на работу, где может быть в это время Софья Михайловна, я понятия не имела, а беспокоить Володю здесь, судя по всему, было не принято.

В этот момент за моей спиной раздались легкие шаги, я вздрогнула и выпустила из рук дверцу шкафчика, которая довольно громко захлопнулась. И тут же услышала характерный Володин смешок:

– Попалась, соня!

Всегда удивлялась, как при своих габаритах – рост два метра и вес под сто килограмм – мой друг исхитрялся при движении производить так мало шума. Чем-то он напоминал мне графа Фоско из «Женщины в белом», только что оперные арии не распевал и в припадках к белым мышам замечен не был.

– Ты меня заикой сделаешь, – проворчала я. – Разве можно так подкрадываться и людей пугать?

– Между прочим, доброе утро. Или добрый день – у кого как.

– Доброе утро, – виновато отозвалась я. – Ты разве еще не завтракал?

– Обижаешь, подруга. Я тут встаю раньше всех, в шесть утра уже за компьютером, так что сейчас у меня по расписанию честно заработанный ланч.

– Я не помешаю? – преувеличенно-светски осведомилась я. – Тут, кажется, все вокруг тебя на пуантах ходят, бояться лишний раз вздохнуть.

– Бояться – значит, уважают, – отшутился Володя. – Нет, я просто не терплю, когда вламываются ко мне в кабинет, а в остальных помещениях, равно как и вне их, я доступен и демократичен. Иногда даже добр.

– Это когда же? – прищурилась я.

– А вот сейчас, например. Настолько добр, что научу тебя пользоваться кофеваркой и тостером. В смысле, здешними моделями. Ты же не с Урала, правда?

– Скрупулезно подмечено, – согласилась я. – Не с Урала. Но кофеваркой вообще пользоваться не умею, дома у меня кофе растворимый, верх пижонства – кофе в турке. Так что будь действительно добрым мальчиком и помоги старой, немощной подруге.

Володя начал колдовать над довольно сложными, с моей точки зрения, приборами, попутно объясняя мне, как ими надлежит пользоваться. В результате довольно продолжительных – минут пятнадцать не меньше – манипуляций он соорудил мне чашку кофе с молоком

и два горячих тоста с сыром, а себе – черный кофе и приличных размеров пиццу. Должна сказать, что готовить Володя всегда умел и, главное, любил. Во всяком случае, пока не был женат.

– Слушай, немощная подруга, я тут пошарил в Интернете, пока ты отсыпалась, и обнаружил старый, добрый рецепт от малокровия. По-моему, тебе не помешает, даже поможет. А Маринка привезет специальные таблетки, которые принимают те, кто случайно хватает дозу радиации или, как в твоём случае, травится ртутью. Месяц попринимаешь – будешь как новенькая, хоть снова под венец.

Я невольно поморщилась: особой тактичностью Володя иногда не отличался, особенно если намеренно хотел вывести собеседника из себя.

– Ну, что ты жмуришься, как дева непорочная? Да, трагедия, да, ты теперь молодая вдова. Но не калек и не разведенка с четырьмя сопливыми детишками на шее. Все зависит от того, с какой точки на это посмотреть. И еще от того, насколько ты любила своего супруга. Извини, но у меня сложилось впечатление, что в вашем браке имело место скорее уважение и взаимная приязнь.

– Не так уж мало для счастливого брака! – огрызнулась я. – Ты вот женат второй раз и, по-моему, отнюдь не по страстной любви.

– Не заводись, – миролюбиво отозвался Володя. – Ситуации бывают разными. Я хотел только сказать, что сидеть просто так и горевать – отнюдь не самый лучший вариант. Валерия ты этим, к сожалению, не воскресишь. А лучшее средство от тоски – работа. Тут мы похожи, ты ведь знаешь.

Да, тут мы были похожи: оба трудоголики. И именно работа выручала меня в самые мрачные периоды первого брака, причем выручала не только материально, но и морально: мне элементарно было некогда комплексовать и предаваться черным мыслям.

– Что, кстати, за народное средство ты раскопал в Интернете? – перевела я разговор на другую тему. – Надеюсь, не сушеное крылышко летучей мыши под рубашкой?

– Толченые жабы лапки, – усмехнулся Володя. – Все гораздо проще: парное молоко, желативно, козье, свежие яйца и мед. Вот такой коктейль и будешь получать с утра.

Я только широко раскрыла глаза:

– И где ты собираешься брать ингредиенты? В супермаркете или в том же Интернете?

– Почему я? – пожал плечами Володя. – Софья Михайловна пошла договариваться с соседями в так называемом «нормальном» поселке. Там и козы есть, и куры, и пчелы. Мед можно купить сразу, а остальное вашему высочеству будут приносить на блюдечке с голубой каемочкой. Только пей.

– Терпеть не могу мед! – поморщилась я.

– Сможешь и потерпишь, – сухо отрезал Володя. – Или так и будешь доходить и шлепаться в обмороки. Не выпендривайся. Алешке ты нужна живая и как можно более здоровая. Во всяком случае, пока. Кстати, вчера я был вполне серьезен, когда предлагал ему провести здесь последний месяц каникул. Заодно проверю, как он продвинулся в английском.

– Удивительно, – покачала я головой.

– Что именно?

– Ты ведь не любишь детей, я знаю. А к Алешке у тебя почему-то особое отношение, ты его не просто терпишь, я же вижу.

– Ты знаешь, это действительно удивительно. Но иногда мне кажется, что он... ну, в общем... даже не знаю, как сказать.

Я терпеливо ждала, не пытаясь подстегивать его мысли или помогать найти правильную формулировку.

– Ты не находишь, что он похож на меня? – наконец выдал из себя Володя.

– Нахожу, – кивнула я, закуривая первую в этот день сигарету. – И сначала очень удивлялась, потому что биологическим его отцом ты не можешь быть. Он родился через два года после того, как наши с тобой лирические отношения закончились. Он – сын Ивана.

– Но...

– А потом я почитала кое-какую литературу, что-то додумала. Извини, но то, что ты сейчас услышишь по сути может тебе не понравится. Хотя бы потому, что придется обращаться к аналогиям из животного мира.

– Вот как? – поднял брови Володя. – Даже интересно.

– Необычайно интересно, – подтвердила я. – Ты знаешь, конечно, что к чистопородным сукам никаких кобелей другой породы, пусть даже сверхэлитной, подпускать нельзя. Все последующие пометы будут безнадежно испорчены. Первый самец оставляет у самки совершенно неизгладимое впечатление... в генах.

– Ты хочешь сказать...?

– Все, что я хотела, я сказала. Ты умный человек, дальше сам разберешься и, надеюсь, с Мариной обсуждать не будешь. Хотя, думаю, она догадывается, хотя бы потому, что все знала о нашем романе.

– Марина тоже очень неглупая женщина, – пробормотал Володя, явно думая о чем-то другом, своем. – А знаешь, в этом что-то есть. Тем более, я буду рад видеть Алешку. Он в технике разбирается?

– Вот тут он пошел в своего отца, – засмеялась я, – все умеет своими руками. Как и Иван. А почему тебя это волнует?

– На чердаке велосипед есть. Хороший, но требует профилактики.

– Сделает, не проблема. Слушай, ты в издательство в ближайшее время не собираешься?

– Я с ними, в основном, через Интернет общаюсь. А в чем проблема?

– Мне бы тоже хотелось поработать.

– О, это я тебе мгновенно устрою! – оживился Володя. – Позвоню своему знакомому, он мне по тому же Интернету и работу для тебя пришлет и в издательстве все оформит. Скажу, пусть выберет что-нибудь завлекательное, но не срочное, тебе сейчас совершенно незачем сутками у компьютера торчать.

– Вот и хорошо, – вздохнула я. – Считай, все проблемы решены. По сути, я твоя должница.

– Свои люди – сочтемся, – усмехнулся Володя. – Иди отдыхай, гуляй, клубнику окучивай...

– Какую клубнику? – ошалела я.

– Шутка. Нет тут никакой клубники. Все, дорогая, мой перерыв закончен, пойду ковать дальше. Увидимся за ужином. А вон и Софья Михайловна идет, она тебя быстро к какому-нибудь занятию пристроит. Чао!

И теми же быстрыми, бесшумными шагами Володя выскользнул из кухни. По-моему, Маринка напрасно психует: мужик пашет, как заведенный, а его переводы – технические и медицинские с русского на английский, а не наоборот, стоят намного дороже, чем мои детективные упражнения в обратном направлении. Действительно, нужно будет с ней поговорить. Да и Володя вчера просил...

Софья Михайловна вошла на кухню и, увидев меня, обрадовалась:

– Ну, сегодня ты уже выглядишь куда лучше. А то вчера напугала всех до полусмерти. Поела?

– Да, спасибо. Меня Володя накормил, а то я такие агрегаты только в кино видела.

– Он к тебе хорошо относится, – как бы без всякой связи с предыдущим сказала Софья Михайловна. – А я договорилась насчет лекарства для тебя. И мед вот принесла. Ложка меда, стакан парного молока и свежее яйцо. Каждое утро будешь гоголь-моголь пить.

– Так и станет меня парное молоко до полудня дожидаться! – засмеялась я. – Я ведь только в половине двенадцатого пробудиться изволила.

– Это я тебя вчера с перепугу таблетками перекормила, – улыбнулась Софья Михайловна. – Плюс свежий воздух. Скоро привыкнешь, будешь, как мы все, с петухами вставать.

Про себя я сильно усомнилась в этом прогнозе. Привычка привычкой, но я по натуре – стопроцентная сова и подъем раньше десяти утра для меня – гражданский подвиг. Конечно, когда я работала, как все люди, «от и до», да еще на дорогу в один конец тратила около часа, моя натура вынуждена была приспособливаться к общему режиму, хотя и сопротивлялась отчаянно. А теперь, когда я сама себе хозяйка, да еще, как правило, работаю за полночь... Хотя, чего только с людьми не бывает, может, и перестроюсь. На свежем-то воздухе.

Делать мне было совершенно нечего: от предложения помочь по хозяйству Софья Михайловна отказалась категорически, сказав, что у нее и Мариночка-то к плите и мойке не подходит, а уж мне тут тем более нечего делать. Так что я переоделась в шорты и маечку и пошла обследовать окрестности. Определенную слабость я еще испытывала, но со вчерашним было не сравнить.

Проторенная тропинка довольно быстро вывела меня к берегу реки, неширокой, но довольно быстрой. У первой встречной тетке, я спросила, как этот бурный поток называется и, услышав знакомое название «Десна», успокоилась и села на берегу под кустик.

Справа примерно в километре были видны железнодорожный мост, а за ним – автомобильный, и все основные купальщики почему-то тусовались именно там. Присмотревшись к воде в том месте, где я сидела, я поняла причину: дно реки уходило вниз почти вертикально, а сквозь воду виднелись верхушки пышных водорослей. Да, скорей всего, купаться тут было не особенно приятно: дома меня ждал бассейн без глины и тины, а также всякой мелкой живности, типа головастика. Да и жары особой пока не наблюдалось.

Непредсказуемыми путями мысли мои вернулись к тому, что сказала Марина: квартирный вопрос Алешки я теперь вполне в состоянии решить сама. И для этого – пока – совершенно не обязательно разменивать квартиру, достаточно просто прописать в нее сына и подождать, как повернется жизнь. Тем более что устройство хором на Пречистенке вполне позволяло обеспечить практически автономное существование друг от друга, особенно если учесть толщину стен дома дореволюционной постройки, то есть практически полную звукоизоляцию.

Самая большая комната, та, в которой обитал Валерий Павлович, имела еще одно несомненное достоинство, помимо размеров (без малого двадцать пять метров). Оба ее окна и балкон выходили в тихий зеленый дворик, что для центра Москвы – большая редкость. Нужно будет разобраться с огромной библиотекой, большая часть которой была достаточно специфична, выбросить или продать старую мебель, которой в обед было сто лет, но которой мой покойный муж почему-то невероятно дорожил, и обставить комнату так, как захочется Алешке.

Вообще-то эта квартира была раньше половиной роскошных барских апартаментов, но потом кто-то очень деловой или просто практичный, разделил ее капитальной перегородкой пополам, а вместо одной входной двери на лестничной площадке сделал две в торцах. Поэтому наш четвертый этаж избежал участи стать коммунальным: все остальные квартиры в доме были семикомнатными и, разумеется, не отдельными.

Правда, нашей половине вообще повезло: к ней отошли кухня и туалет с ванной, но комнат – только две. В другой же половине комнат осталось пять, но одну пришлось превращать в кухню, а другую, соответственно, в санузел. Лет десять назад там еще доживала век племянница то ли Собинова, то ли Лемешева, которых, естественно, никто не трогал, теперь живут ее дочь и внучка – старая дева.

Валерий же в этой квартире прожил всю свою сознательную жизнь: как раз перед его рождением за какие-то заслуги перед партией и правительством его отец получил эти неслы-

ханные хоромы: отдельную квартиру. Две комнаты на пятерых (отец с матерью, дочь Нина и старенькая бабушка). Одну двадцатипятиметровку тут же перегородили пополам, превратив тем самым квартиру в трехкомнатную. Большая комната была родительской, дальняя – детской, в проходной поселилась бабушка. Правда, жила она там недолго, лет пять, после чего мирно отошла в мир иной, оставив внукам по персональной комнате каждому.

В общем, история длинная, а закончилась она тем, что в квартире остался один Валерий: Нина вышла замуж и переехала к мужу, Валерий тоже после свадьбы переехал было к жене, но там брак быстро развалился и супруги остались каждый при своей жилплощади, родители один за другим упокоились на Преображенском кладбище, и, наконец, появилась я в качестве законной и честь по чести прописанной жены.

Дальняя комната стала моей спальней, проходная – кабинетом и приютом Алешки, пока он не отправился обучаться за границу. Первое время мне казалось, что я попала в рай: через мою комнату никто никогда не ходил, одного этого было достаточно для счастья. Потом, правда, кое-что изменилось.

– Ма, а ты не собираешься привести эту халупу в божеский вид? – спросил меня как-то сыночек, – обводя скучным взглядом давно потемневший потолок на кухне и, прямо скажем, устаревшие плиту и раковину.

– Что это ты вдруг? – изумилась я. – На прежней квартире вряд ли было элегантнее.

– Вот именно, что «было», – усмехнулся Алька. – Папочка ремонт делает – закачаешься. Евро.

– В каком смысле? – опешила я.

Представить себе европеизированную «хрущобу» было выше моего понимания.

– А так, что все перегородки между кухней, «залом» и коридором снес к чертовой матери...

– Не ругайся, – машинально сделала я замечание.

– Ладно, в общем, снес нафиг. Теперь там такая здоровая комната, кухня приподнята, остальное – гостиная с белой кожаной мебелью. И стены белые. Санузел тоже совместил, выкинул ванну, поставил душевую кабину и биде.

– Необходимая для мужчины вещь, – хмыкнула я. – Или там дамы бывают?

Алька слегка покраснел и стал с жаром описывать обновленную спальню и кабинет. Все двери раздвижные, черного дерева, на белом фоне очень эффектно. И спальня – как в Версале.

– А ты там был? – поинтересовалась я.

– В спальне-то? Конечно. Даже подсветку помогал устанавливать и шторы вешать. Темно-лиловые.

– Нет, в Версале.

– Да ну тебя, ма, – надулся Алешка, – я просто хотел сказать, что если эту квартирку отремонтировать, то тут вообще будет нечто.

– Вот именно, – вмешался в разговор Валерий, как раз зашедший в кухню. —Только темно-лиловых портьер нам и не хватает для полного счастья. Прямо здесь, возле плиты.

– Согласись, квартира запущена, – кинулась я на защиту ребенка.

– Согласен, – невозмутимо ответил Валерий, – причем даже очень запущена. Но на евро-ремонт у нас нет денег, к тому же я не горю желанием объединять кухню с кабинетом, а спальню – с совмещенным санузлом. Я вообще не хочу ничего размещать, меня устраивает нынешняя планировка квартиры. А поклеить обои, побелить потолки и отциклевать полы – дело нехитрое. Что-то мы и сами можем, на что-то денег наскребем.

Алешка начал было строить планы преобразования жилья своими руками, но Валерий быстренько напомнил ему, что его собственные, Алешкины, руки, скоро будут довольно далеко вместе с ним, так что мы уж тут как-нибудь сами.

И мы действительно справились, не так уж все это оказалось трудно. Поменяли только плитку и сантехнику, на что и пошли основные деньги, а в остальном обошлись необходимым минимумом. И тем не менее, квартира преобразилась, привязав меня к себе еще прочнее. Да и спальня с видом на храм Христа-спасителя, согласитесь, стоит любого евроремонта.

Я так увлеклась воспоминаниями, что совершенно забыла о времени. Оказывается, я просидела у речки больше двух часов. Господи, да меня же там наверняка уже обыскали, то есть Софья Михайловна обыскалась. А мобильник я, конечно, оставила в доме.

Как выяснилось, тревожилась я напрасно. В этом доме не принято было навязывать кому-то свой образ жизни. Святым был только распорядок жизни Володи, остальные же вольны были делать все, что им заблагорассудится, лишь бы не мешать его творческому процессу.

Как ни странно, голода я не испытывала, хотя позавтракала весьма условно. Софье Михайловне удалось почти силком впихнуть в меня только немного клубники и стакан сока. После чего я выбрала в библиотеке Льва Григорьевича какой-то исторический роман, отправилась на качели к пруду и... пожалуй, первый раз в жизни поняла, что в безделье есть своя определенная прелесть. Во всяком случае, о какой-то работе не хотелось даже и думать, что для меня было, мягко говоря, нехарактерно.

Володя появился только к ужину, когда и Марина, и Лев Григорьевич уже вернулись из Москвы. Причем появился не сверху, из своего кабинета, а из-за калитки. На мой немой вопросительный взгляд Марина ответила:

– Ходил гулять. Каждый день по часу пешком. После ленча он спит часа два, потом опять работает, а в шесть часов идет на прогулку. Он тебя не звал?

Я покачала головой.

– Все правильно, не обижайся. Гуляет он только в одиночестве, обдумывает планы на завтра и вообще... Как я понимаю, поговорить тебе с ним сегодня не удалось. Ладно, времени впереди много, а когда ты здесь, я спокойна. Вот, кстати, таблетки, прими одну после ужина. Здесь шестьдесят штук – на двухмесячный курс. Специально за ними ездила, Володька договорился, а я выкупила.

Таблетки были в огромной банке с надписями на немецком языке, которым я, увы, не владею. Приходилось верить подруге на слово, но вряд ли она имела намерение меня отравить. Хотя должна сказать, что любое незнакомое лекарство вызывает у меня большое сомнение.

После ужина Володя сказал, что объявляется всеобщий праздник: будем смотреть видеофильм «Иствудские ведьмы» и пить настоящее немецкое пиво, которое он привез из поселка. Судя по реакции окружающих, такими вечерами он их баловал нечасто, но почему-то они отнесли это радостное событие на счет моего появления в их небольшом коллективе. Увы, для меня праздник состоялся лишь частично, хотя надеюсь, что настроение остальным я не очень подпортила.

Думаю, все дело было в таблетке, потому что через полчаса после начала просмотра голливудского шедевра на меня стал медленно и неумолимо напоздать сон. Нет, я не заснула окончательно, но мечтала только о том, чтобы поскорее добраться наверх, в свою комнату, и, желательно без всяких предварительных процедур, завалиться спать. Но фильм, судя по всему, был очень даже хороший, потому что Маринка, обычно невероятно наблюдательная, заметила это мое состояние только через час. И тут же попросила Володю нажать паузу, потому что один зритель, похоже, готов.

Я вяло отнекивалась, пока она тащила меня наверх и помогала устроиться. Никаких снотворных таблеток она мне на сей раз не предлагала, только заставила выпить успокоительное и поставила на столик бутылку минеральной воды и стакан. Свет в комнате уж точно гасила не я, потому что к этому времени могла только положить голову на подушку, а руки – поверх одеяла. И – провалилась в глубокую, мягкую ямку, почему-то белую, где повсюду были разбросаны фиолетовые подушки, а издали доносилось что-то вроде звуков свирели.

«Это козу пасут, – догадалась я. – На завтрашнее молоко».

После чего вообще наступила темнота и тишина.

Два дня я бездельничала вовсю: выпивала сладкий со специфическим запахом козьего молока коктейль, потом читала, плавала в бассейне, гуляла по окрестностям. Головные боли меня не мучили, сон, благодаря чудо-таблеткам, был слишком даже глубок, а погода стояла точно по заказу: умеренно-жаркая с кратковременными прохладными дождями. В общем, от такой жизни я слегка ошалела и, кажется, даже начала прибавлять в весе – на радость Софье Михайловне и Маринке.

Малину эту, как и следовало ожидать, прекратил Володя, который, в очередной раз встретившись за мной за ленчем, вручил мне диск и сказал, что это – остросюжетный новый детектив какого-то американца, который ему прислали из издательства для меня. Срок божеский – три месяца вместо обычных полутора, но оплата – та же, пять долларов за страницу.

– Ты уж извини, финансовыми потоками я там не рулю, – сказал он без тени сожаления в голосе. – Вот пролонгировать срок мне удалось. Так что хватит дурочку по полу валять, труд превратил в человека даже обезьяну, а ты все-таки ближе к гомо-сапиенсу. Сегодня войдешь в курс дела, а с завтрашнего дня – к станку. Сама увидишь, как сразу полегчает.

Володя, как всегда, был прав. Он снизошел даже до того, что уделил мне полчаса своего времени после дневного сна и быстренько обучил работе с портативным компьютером, который стоял в моей комнате. Вообще-то эта штукавина предназначалась для Марины, но та настолько обалдевала от компьютера на работе, что дома, да еще в выходные дни просто видеть его не могла.

Я напрасно боялась: к «компику», как я его окрестила, я привыкла даже быстрее, чем к своему Кузьме, хотя аппарат был почти новый и достаточно навороченный. Володя быстро перебрал мне текст с диска непосредственно в компьютер, посчитал страницы и поделил их на, как он выразился, «дневные задания». Получилось около трех страниц в день, что для меня в общем-то и не работа даже, а так – легкая разминка ценою в полторы тысячи баксов. Именно столько мне должны были заплатить при сдаче работы.

Я, конечно, тут же размечталась о том, что на жизнь этого хватит с избытком, а избыток можно потратить на массу интересных и полезных вещей. Например, покрыть пол в кухне ламинатом, а на окна повесить жалюзи, чтобы южное солнце, буквально пронизывающее мою квартиру на Пречистенке, было все-таки терпимым. Если продать Валерину библиотеку, то и на нормальный ремонт в ванной останется или на покупку вожаемой стиральной машины, вместо моей развалины с ручным отжимом. В общем, мечты были так же сладостны, как пробуждение по утрам под пение птиц.

Чтение я, конечно, забросила, а прогулки сократила. Зато вечерами с удовольствием смотрела вместе со всеми телевизор или просто сидела у камина и уже не засыпала на самом интересном месте прямо там, где сидела. Волосы, правда, по-прежнему лезли немилосердно, Софья Михайловна советовала натирать корни каким-то репейным маслом, но я не могла решиться появиться перед Володиной с замасленной башкой. Друзья-то друзья, но...

В один прекрасный день Володя укатил в город – по делам. Он снизошел даже до того, что предупредил, что ночевать будет в своей квартире, так как нужно еще провести несколько деловых встреч. Если не вернется на следующий день к вечеру – позвонит, а если не звонит, значит, вернется. Как только, так сразу. К этому времени я жила в этом благословенном уголке уже почти полторы недели и впервые мы вечером остались с Маринкой наедине, поскольку ее родителей пригласили к соседям на какое-то семейное торжество. Нас тоже звали, но мы увильнули. Да, собственно, никто и не настаивал.

Хотя в доме никого не было, Марина предложила посидеть-посплетничать у пруда, благо вечер был удивительно теплый, а комаров, наоборот, на удивление мало. Мы захватили с собой

бутылку итальянского вермута, к которому обе были равнодушны, апельсиновый сок и лед. Настроение у меня было – безмятежнее некуда.

– Хотела бы я так наслаждаться жизнью, как ты сейчас, – сказала Марина, после нескольких минут беспредметной болтовни. – А меня все время словно какой-то червяк сомнения точит изнутри.

– Думаешь, Володя тебе изменяет? – задала я первый приходящий в голову женщине в такой ситуации вопрос.

Марина досадливо поморщилась.

– При чем тут измены? Да, Вовка относится к женщинам достаточно потребительски, но даже если у него есть какие-то интрижки, меня это не волнует. От меня он не уйдет, это главное.

– Почему ты так уверена? – несколько удивилась я.

– Прежде всего потому, что у меня никогда не будет детей.

Я ошарашено захлопала глазами: для большинства мужчин это было бы скорее огромным недостатком, чем достоинством.

– Вовка детей не любит, ты знаешь. Особенно маленьких: ты бы видела, как он кривится. Когда кто-то заводит при нем разговор о пеленках-распашонках-колясках.

– Но...

– Про Алешку я все знаю, – снова удивила меня Марина. – Слышала твою теорию и действительно нахожу некоторое сходство. Но Володя не воспринимает Алешку, как ребенка, для него это уже вполне взрослый человек, с которым можно и интересно общаться на серьезные темы. К тому же фактически он его отцом не является, даже отчимом, – значит, никакой ответственности, кроме той, которую он сам пожелает проявить. Именно то, что нужно. Но Алька – это лишь исключение, которое только подтверждает всеобщее правило: когда Володя узнал, что забеременеть я не могу по определению, все сомнения насчет женитьбы на мне отпали.

– Тогда что тебя беспокоит? – вернула я разговор с очень уж скользкой дорожки к его началу. – Любит ли он тебя?

– Володя способен любить только себя, тебе это прекрасно известно. Нет, меня беспокоит то, что у него откуда-то слишком много денег. И ведь он вроде бы не скрывает от меня свои доходы, но когда я начинаю подсчитывать, получаются тысячи, понимаешь, тысячи, если не десятки тысяч откуда-то взявшихся долларов. К тому же у него есть счет в банке, а сколько там лежит...

– Рисковый парень, – заметила я. – После того, что неоднократно проделывало с нами наше родное государство, я бы ему сто рублей побоялась доверить.

– Счет – в Швейцарском банке, – сухо ответила Марина. – Я узнала об этом тогда, когда мы с ним составляли завещания.

– Что-что? – не поверила я своим ушам. – Завещания? В нашем-то возрасте?

– Обычная практика цивилизованных стран, – пожала плечами Марина. – Мы все завещали друг другу, а если с нами обоими сразу что-то случится, то все наследуют мои родители. Изменится ситуация – изменим завещание. Но это я к тому, что о счете в Швейцарии узнала только поэтому. А главное, что меня обеспокоило – это разговор с Ларисой, его первой женой.

– Ты мне ничего об этом не рассказывала, – с некоторой обидой сказала я.

И та красотка, кстати, тоже. Значит, разговор был достаточно серьезным, чтобы его хранили в тайне обе стороны.

– Вот теперь дозрела – рассказываю. Но только Володьке – ни полслова. Он убьет нас всех троих.

– Он-то? – усомнилась я. – Володя курицу не способен зарезать.

Марина почему-то не стала опровергать этот тезис, равно как и подтверждать его. Она тихим и бесцветным голосом начала свой рассказ.

Когда несколько месяцев тому назад Лариса явилась к ней в кабинет Морфлота и сказала, что им нужно поговорить, первой Мариной реакцией было изумление: о чем? Потом ее захлестнула волна гнева пополам с ревностью: да как она смеет вообще с ней заговаривать? И, наконец, появилось любопытство: а вдруг Лариса скажет ей что-то действительно важное и интересное? Любопытство пересилило и она согласилась после работы посидеть в кафе рядом с Морфлотом, подальше от слишком любознательных сослуживцев.

– Ты счастлива? – спросила Лариса, когда официантка, расставив на столе их заказ, удалилась.

Марина вспыхнула:

– А вам-то до этого какое дело?

– Меньше пены, девушка, – недобро улыбнулась Лариса. – Спрашиваю не из праздного любопытства. От твоего ответа будет зависеть, расскажу ли я тебе кое-что интересное о твоём нынешнем и моём бывшем супруге.

– Я счастлива. Вы удовлетворены?

– Вполне, – кивнула Лариса.

Она ловко разлила по высоким фужерам джин из графинчика, добавила тоник, лед, закурила и подняла тост:

– За все хорошее. А теперь послушай, как добиваются счастья обычные девушки, а не папенькины дочки из столицы. Тебя в институт на машине возили, а я училась заочно, потому что нужно было деньги зарабатывать: кормить парализованную мать, отца-алкоголика и себя, если что-то оставалось. Так что днем я в трех местах уборщицей трудилась, а по ночам конспекты писала на кухне, пока готовила, белье кипятила и шприцы стерилизовала, потому что денег на медсестру, чтобы матери уколы дважды в сутки делала, не было.

Мама умерла, когда я заканчивала институт. Так что положила я диплом и паспорт в сумочку, остальные мои вещи в портфеле уместились, глянула в последний раз на папашку своего распрекрасного, который пьяный в комнате валялся – и подалась в столицу. Мне повезло, я устроилась бухгалтером в ЖЭК, да еще служебную комнату получила. Не просто повезло, конечно, пришлось кое с кем переспать и не один раз, так от меня не отвалилось. Все равно нужно было взятку давать, а с каких доходов?

Володю я заметила сразу, когда он за какой-то справкой пришел. Как его не заметишь: рост, манеры, разговор... Все наши тетки от него млели. Конечно, тут же доложили мне: холостой, в двухкомнатной квартире, при деньгах, за границей бывает. И я решила, что мне такой вот любовник и нужен, для начала. О замужестве даже не мечтала, место свое понимала очень даже четко.

Как я его подцепила – неважно. Уложить мужика в постель дело нехитрое, особенно если он понимает, что больше ему ничего не грозит. Володя же у нас умненький, он все замечает, а об остальном догадывается, но я еще и подстраховалась – все карты раскрыла. Мол, ни на что серьезное не рассчитываю, приехала из провинции, слаще морковки ничего не кушала, хочется одним глазком посмотреть на красивую столичную жизнь, чуть-чуть ее попробовать. А я со своей стороны в долгу не останусь.

Первое время он был очень осторожен, глаз с меня не спускал, когда я у него дома бывала, никогда ночевать не оставлял, в полночь-за полночь вызывал для меня такси и отправлял домой. Дарил всякие мелочи, иногда водил в кабак, не из дорогих. А я ждала. Знаю, как вы, москвичи, к лимитчикам относитесь: и жадные мы, и нахрапистые, и беспринципные. Так ведь не от хорошей жизни такими становятся. Нам никто ничего на блюдецке не приносит, сами все у жизни должны выгрызть. И еще – терпеть и ждать, ждать, ждать.

В общем, я дождалась. Пришла как-то к Володе, а его зачем-то вызвали по делу. Почему он не выставил меня из квартиры, а оставил и велел его дожидаться – не знаю. Но он именно так и поступил, причем сказал: «Если будет очень скучно, почитай книжку. Или уборкой займись».

Я занялась... уборкой. Обыскала всю его квартиру, хотя не знала, что именно ищу. Деньги я брать не собиралась, ценные безделушки меня не волновали. И я нашла! Под столешницей письменного стола, когда я вынула ящик, обнаружились несколько листков бумаги, приклеенные скотчем. А дальше мне очень пригодилось мое умение работать с компьютером, быстро печатать и то, что нашелся пустой диск. Потом приехал Володя, порадовался, что в квартире чисто, дальше все было как всегда. А через три дня я сказала ему, что он должен на мне жениться, иначе кое-какие любопытные материалы окажутся на соответствующем столе.

– Но это же шантаж?! – возмутилась Марина. – Как вы могли?...

Лариса пожала плечами и налила себе новую порцию джина. На сей раз только себе.

– Я не могу позволить себе играть в благородство. Не могла. А сейчас хочу отдать тебе этот самый диск с документами. Пусть у тебя голова болит. Я скоро уеду из этой страны, мне все это противно и неинтересно. Прописку я получила, квартиру получила, работу хорошую имею. А с этого трамплина могу еще выше прыгнуть или уж точно – дальше. А вы тут живите... в любви и согласии.

– Зачем же вы мне-то все рассказали? С какой целью?

Лариса расхохоталась:

– А чтобы тебе жизнь медом не казалась! Хоть что-то поймешь, может быть. Ты думаешь, он тебя любит? Да ему плевать на всех и вся и если бы он мог мне место достать, минуя твоего папеньку драгоценного, он бы так и сделал. Мог бы, конечно, и купить, да денег жалко. Он же скряга, платит только за собственные удовольствия, и то норовит на халяву проехать. Да, вот еще что я выяснила, пока его ловила: у него время от времени бывают странные встречи с мужиками.

Марина непроизвольно скривилась. Лариса фыркнула:

– Господи, он нормальный, успокойся, не голубой. Просто я пару раз за ним проследила: парик, макияж поярче, очки темные. Так вот, встречи всегда происходят в кафе на углу Большой и Малой Бронной, не помню, как оно точно называется. Он садился за столик, где уже сидел кто-то, клал на стол пачку сигарет, пил кофе, курил, ни о чем не говорил со своим соседом. Но перед уходом брал не свою пачку сигарет, а другую, которая лежала рядом с его. У меня есть негативы на микро пленке, если хочешь, я тебе отдам, только уже не бесплатно.

– А почему диск отдаете бесплатно?

– Потому, что боюсь. Володенька, судя по всему, на какой-то новый виток в своей жизни выходить собирается, звонил мне, условия ставил, угрожал. Деньги, заметь, уже не предлагает. Я сказала, что подумаю. А теперь, когда позвонит, скажу, что диск у тебя. И разбирайтесь по-семейному. С меня хватит. Я опасность верхним чутьем чувствую – лимитчица ведь. У нас только так: расслабился – схарчат в одну секунду. А теперь я тебе скажу самое интересное: я так и не просекла, что это за документы, все зашифровано-засекречено, да и английский у меня слабоват. Но видно что-то серьезное, если мой шантаж фактически на «гоп-стоп» подействовал.

Такая вот у них была замечательная встреча, у Марины с Ларисой. Потом Марина посмотрела материалы на диске и поняла, что ее обожаемый муж, похоже, занимается тем, что принято называть «промышленным шпионажем». Правда, материалы были зашифрованы, но, зная характер работы Володи, кое о чем можно было догадаться.

Негативы она тоже выкупила и спрятала, даже не посмотрев. Так что осталась с диском, микро пленкой и занозой в душе. Так и живет.

– Чем я-то могу тебе помочь? – недоуменно спросила я. – Даже не знаю, как с Володией об этом заговорить.

– Не надо с ним говорить, – покачала головой Марина. – Это я сгоряча, не подумав. Просто я хочу, чтобы ты взяла диск и пленку к себе и дома хорошенько ее спрятала. Если со мной что-нибудь случится...

– Спятила? – участливо спросила я.

Марина посмотрела на меня абсолютно сухими и несчастными глазами и почти неслышно произнесла:

– Никогда в жизни не была так нормальна и серьезна.

Когда-нибудь двумя особями на этом свете станет меньше. Теми, которые больше остальных ему мешали и досаждали. До поры до времени назойливое присутствие одной из них было терпимо, хотя и напоминало порой занудный писк комара в темной комнате. Но если его терпение кончится – он за себя не отвечает. Поэтому приступать к разработке плана нужно немедленно: с чувством, с толком, с расстановкой. Потому что права на ошибку у него нет и второй попытки дано не будет.

Глава четвертая. Отцы и дети

Диск в тот вечер мне Марина не дала, сказала, что это лучше сделать, когда я уже буду в Москве. У Володьки дьявольская интуиция, пояснила она, а у тебя не лицо, а открытая книга. Так что душу она мне излила, теперь мы обе подумаем, может, решение окажется самым простым и чрезвычайно безобидным. А если нет... тогда мы встретимся и осуществим передачу компромата. В общем, шпионские страсти, вот уж не ожидала от своей трезвой и рациональной подруги.

В отличие от Москвы, время здесь мчалось с такой ошеломляющей быстротой, что я ахнуть не успела, как мне на мобилку позвонил Алешка и сказал, что они с отцом прилетают послезавтра в Домодедово, чартерный рейс номер такой-то, значит, дома он окажется где-то в районе одиннадцати вечера: отец посадит его в такси. Такой вариант меня совсем не устраивал, хотя бы потому, что пока еще возвращаться в Москву у меня не было ни малейшего желания. Да и гостеприимные хозяева меня поддержали.

— Пусть ребенок поживет месяц на свежем воздухе, — заявила Софья Михайловна. — Я его тут вкусненьким накормлю, послежу за ним...

Она явно очень давно не видела мое чадо.

— Мама, — засмеялась Марина, — Алешка уже практически взрослый, мужик, по полгода живет самостоятельно, в декабре восемнадцать стукнет. Какой присмотр, какое вкусненькое?

— Для меня вы все и всегда — дети, — слегка обиделась Софья Михайловна. — Присмотр обыкновенный: завтраком накормить, обедом. Вы же все работаете.

— Ну я, положим, от своей работы в любой момент могу оторваться, — попыталась я возразить.

— А зачем, если мне все равно делать нечего? — резонно спросила Софья Михайловна.

Возразить на это было нечего.

— Как, кстати, твои успехи? — поинтересовался Володя, впервые за весь вечер открывший рот. — Много наковала?

— Сто страниц, — со скромной гордостью дoloжила я. — По восемь-десять в день, с опережением графика.

— Молодец, выношу тебе благодарность в приказе. Но особенно не расслабляйся, второй раз я для тебя такие льготы вряд ли выбью.

— Я и не расслабляюсь. К тому же в сентябре мне только и останется, что переводить: Алешка улетит обратно учиться, а я буду сидеть дома и трудиться, не прикладая рук.

— Ладно, не маленькая, разберешься. Я вот что думаю: Алешку мы с тобой поедem встречать вместе, до Домодедово тут рукой подать, а дамы приготовят парадный ужин в честь встречи. И в Москву тебе пока ехать нечего, рано. Поживете тут с Алешкой, как мы и решили, ну, а если что из вещей понадобится, то тогда эту проблему и будем решать. Логично?

— Как всегда гениально! — с максимальной долей лести ответила я.

— Я серьезно.

— А если серьезно, то я. Володенька, очень тебе благодарна, потому что Алька о смерти Валерия еще ничего не знает...

— Как?! — ахнула Софья Михайловна. — Ты ему даже не позвонила?

— Зачем? — пожала я плечами. — Мальчишка отдыхал с отцом, наслаждался своим любимым подводным плаванием и вообще радовался жизнью. Да и не такие уж близкие у них с Валерием сложились отношения, чтобы... Да и Иван взбеленился бы.

– На Ивана наплевать, – сухо сказал Володя, – но твою позицию я, в принципе, одобряю: поступила ты правильно, хотя со стороны может показаться – бессердечно.

Это был явный камень в огород его тещи, что та, конечно же, отлично поняла.

– Выдерживать парня с курорта только ради того, чтобы он изображал скорбь, которой, может, и не испытывает, не самое разумное. Как моральная поддержка... Думаю, все здесь присутствующие худо-бедно тебе Альку заменили. А за месяц с ним вы наговоритесь всласть, все обсудите, да и у тебя не будет к нему лишних претензий и обид. Уверен, внутренне он даже обрадуется, когда узнает, какая чаша его миновала.

Слишком хорошо я знала Алешку, чтобы не признать Володиной стопроцентной в данном случае правоты. Разумеется, он, скорее всего, судил по себе, но попал в яблочко. Впрочем, и Иван излишними сантиментами никогда не отличался, так что от какой яблони сие яблочко на этот раз недалеко закатилось, определить было сложно.

– А тебе не в лом бросать работу и ехать в аэропорт? – поинтересовалась я. – можно ведь и мне самой на электричке...

– Было бы в лом, не предлагал бы, – последовал ответ. – К тому же выезжать нужно часов в семь, а я к этому времени обычно работу уже заканчиваю.

Что ж, расчет и логика, как всегда, безупречны.

Следующий день прошел, как обычно, только я активнее, чем обычно, налегала на работу, чтобы освободить себе полностью последующие три дня. По сыну я соскучилась отчаянно и хотела посвятить ему целиком как можно больше времени.

При Володиной пунктуальности можно было не опасаться опоздать к прибытию рейса. Тем более, что он двадцать раз все проверил и по телефону, и по Интернету, посему подъехали мы к Домодедово как раз тогда, когда интересовавшийся нас лайнер совершил посадку. Алешку я предупредила коротким звонком по мобилке, что буду его встречать, потому что попытка сделать сюрприз была чревата тем, что мы могли просто разминутся.

Володя остался в машине, а я отправилась к выходу с таможенного контроля. Нет, Домодедово – это все-таки не Шереметьево, там бы я вдосталь настоялась в нетерпеливой толпе встречающих. А так уже через полчаса обнимала свое родное, загоревшее до черноты двухметровое чадо, уделив Ивану лишь приветливый кивок и мимолетную улыбку.

Но он, судя по всему, был настроен менее миролюбиво, причем причина была очевидна и отиралась у его плеча: молодая, стройная брюнетка, чуть постарше Алешки, смуглая и с необыкновенными для такого типа лица светло-серыми глазами. Представлять нас, похоже, никто не собирался.

– Я же сказал, что отправлю Алешку домой на такси, – буркнул Иван вместо приветствия.

– Обстоятельства изменились, – сообщила я. – Я живу не дома, а на даче у Марины с Володей, так что мы с Алькой поедem прямо туда. Никакого такси не нужно.

– Ну и замечательно, – чуть менее раздраженно отозвался мой экс-супруг, который сообразил, что может сэкономить некоторую сумму денег. – Тогда мы с Маринеллой поедem прямо домой.

– А я Светлана, Алешина мать, – кивнула я брюнетке. – Очень приятно.

Та ограничилась одним кивком: многословием девушка, судя по всему, не страдала. Но недовольство с ее очаровательной мордашки исчезло: все встало на свои места, бывшая жена встречает своего родного сына и забирает его сразу от самолета. Чего уж лучше-то?

– Ну, пойдemте, – сказала я, и мы стройными рядами выкатились из здания аэровокзала на площадь.

– Возьмешь такси? – спросил Иван. – Или поедете на электричке.

– Ни то, ни другое, – покачала я головой. – Вон нас Володя ждет в машине.

Мы как раз подошли в предел видимости и Володя вылез из машины, подняв руку над головой, что должно было изображать то ли приветствие, то ли обозначение места своего присутствия. Иван понял это, как приветствие, и подошел поздороваться.

– Хорошо выглядишь, старик, – сказал Володя, пожимая ему руку. – Великое дело – море. Алька, привет, нипочем бы тебя не узнал на улице, просто гренадер какой-то вымахал. А это что за очаровательная барышня?

– Это... моя подруга, – с некоторой запинкой ответил Иван. – Маринелла.

– Красивое имя для такой красивой девушки, – как всегда блеснул галантностью Володя. – Ну, счастливо вам добраться, а нам пора. На даче нас уже ждут, поди.

– Валерий Павлович тоже там? – не без ехидства осведомился Иван. – У вас теперь разделение обязанностей: он готовит торжественную встречу, а ты обеспечиваешь транспорт?

Шутки над своей персоной, а тем более вмешательства в личную жизнь двусмысленными намеками, Володя не терпел по определению. Я это знала, а Иван, похоже, если и знал, то забыл.

– Валерий Павлович скончался три недели назад, – сухо сказал Володя, ни к кому непосредственно не обращаясь. – Светлана живет у нас, потому что была в очень плохом состоянии и ей нельзя было оставаться одной. А вас она решила не извещать, чтобы не портить вам отпуск.

– Валерий Павлович умер? – потрясенно пробормотал Алексей, и мне на мгновение показалось, что он сейчас заплачет – мальчишка все-таки. – Как? Почему?

– У нас еще будет время поговорить об этом, Алька, – мягко сказала я. – Все случилось совершенно внезапно. Дядя Володя и тетя Марина приглашают тебя пожить оставшиеся каникулы у них со мной. Поедем, сам все увидишь.

– А купаться там есть где? – тут же оживился мой ребенок.

– Есть речка и есть бассейн, – вмешался Володя. – В общем, все есть, а мы здесь теряем время. Поедем, Светуля?

– Я тебе сочувствую, – пробормотал мне в спину Иван. – Кстати, выглядишь не ахти, сходила бы к врачу. Созвонимся.

Проявил заботу о бывшем близком человеке – и на том, как говорится, спасибо.

Я кивнула и юркнула в машину. Через некоторое время ко мне присоединился Алешка, который помогал Володе пристроить багаж наиболее рационально, а еще через несколько минут мы уже катили в ту сторону, где на горизонте дрожали отсветы огней славного города Домодедова. Оттуда до Калинина было вообще рукой подать.

– Ма, а что случилось с Валерием Павловичем? – шепотом спросил Алешка. – Сердце? Несчастный случай?

Я покачала головой:

– Нет, просто уснул и не проснулся. Точного диагноза нет, вскрытия не делали.

– Почему? – изумились хором и Алешка, и Володя, который, похоже, только сейчас узнал эту подробность. – Как это вообще могло быть?

– Тетя Нина запретила, – объяснила я. – Наговорила что-то кому-то о христианских нормах, возможно, взятку дала, не знаю, я как в бреду была. Кремировали – и все.

– Кремировали? – задумчиво переспросил Володя, не отрывая взгляда от дороги. – Значит, даже эксгумация невозможна?

Тут в моем сыне проснулся ученый-биолог.

– Можно сделать спектральный анализ праха, – оживленно сообщил он. – Так поступают, если подозревают отравление. Жаль, все это я мог бы в Англии проверить мгновенно. Урну уже захоронили?

Я покачала головой, не зная, возмущаться или поражаться такому повороту разговора.

– Нет еще. Мне было слишком плохо. Тетя Марина и дядя Володя практически сразу забрали меня к себе. А урна осталась в крематории.

– Захороним, не проблема, – отозвался Володя. – Место есть?

– Есть могила его родителей на Преображенском.

– Тогда вообще легко, там Маринкина родовая усыпальница, тесть всех знает...

– Только я до этого отсыплю горсточку и сделаю в колледже спектральный анализ, – заканючил Алешка.

– А кто тебе мешает? – спросил Володя. – Если не противно, вперед.

– Я же биолог! – обиделся Алька.

– Биолог, биолог, – успокоила я его, примирившись с неизбежным. – К тому же почти взрослый, делай, что хочешь.

Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы водки не просило. Новое поколение, однако, не всегда выбирает только «Пепси», но ведь, как известно, на вкус и цвет товарища нет. Это вот молодое дарование хлебом не корми – дай чей-нибудь прах проанализировать.

– Как же ты теперь будешь одна? – вдруг осознал Алешка. – Может, мне в России с тобой остаться?

Нет, какие-то мои гены ребенку тоже достались, зря я его обвиняла в бессердечии.

– Спасибо, сыночка, но, думаю, справлюсь. В любом случае, колледж ты должен закончить там, год я потерплю. А потом либо привыкну, либо... будем решать проблему заново.

– Мудро, – хмыкнул Володя. – Я боялся, что в тебе материнский инстинкт перевесит все доводы разума.

– При чем тут разум? – осведомилась я. – Слепому езжу понятно, что ни в коем случае нельзя упускать шанс бесплатно учиться в престижном заграничном колледже, да еще стипендию получать. Ничего со мной не будет, я уже давно совершеннолетняя. Займусь работой, ремонтом, собой, наконец.

– Умница, – выдал Володя редчайшую для него вещь: похвалу. – Впрочем, я в тебе никогда не сомневался. Ладно, закончили о грустном. Алька, откуда взялось это чудо в перьях в аэропорту? Что еще за красотка Мэри? Она с вами из Москвы туда каталась?

Если мой сын и покраснел, то под бронзовым загаром, да в полутьме машины это было незаметно.

– Нет. Я познакомился с Маринеллой в одном магазинчике. Она хотела что-то купить, но совсем не знает языка.

– Ты познакомился? – одновременно обалдели мы с Володей.

– Да, я. Ей же лет двадцать, да и понравилась она мне сначала: ножки, глазки, то-се. Купил ей цацку, угостил мороженым, повел на пляж, познакомил с батюшкой...

– И оказался лишним, – догадливо подхватила я.

– Баба с возу – кобыле легче, – философски отозвался мой ребенок. – Кроме ножек и глазок, там только стремление красиво жить, причем немедленно. Отцу-то, может, по барабану, а мне это нафиг не надо. В Англии такие девчонки – закачаешься, да с ними еще и поговорить можно о чем угодно, и музыку послушать, и в театр сходить, а не по магазинам, да ресторанам шляться. Кстати, эта самая Маринелла, кажется, замужем, но отдыхать приехала то ли одна, то ли с подругой. На охоту, проще говоря. А уж это – тем более без меня.

– У тебя есть подружка в Англии? – робко спросила я.

Алешка расхохотался.

– Ма, расслабься. Там друзья и подружки есть у всех, кто старше десяти лет. Жениться я не собираюсь, если тебя это волнует. Там-то это мало кого колышет: можно годами жить вместе, а потом разъехаться. Нормальный ход и никаких обязательств.

– Один бы день так пожить, – то ли в шутку, то ли всерьез сокрушенно вздохнул Володя. – И когда мы, наконец, станем цивилизованными?

– Тетя Марина тоже так считает? – лукаво спросил Алька.

– Светуль, – преувеличенно-скорбно вздохнул Володя, – вижу, змею взрастила ты на своей материнской груди. Точнее – змея. Ты, между прочим, не вздумай при Марине Львовне такие вопросы задавать.

– Дядя Володя, ты что? – неподдельно возмущился Алька. – Я же на голову не больной. Мама меня всегда правильно понимает, вот я при ней и болтаю, что хочу. Ты еще скажи, чтобы я Софье Михайловне этого не рассказывал.

Володя расхохотался так искренне, как я давно уже не слышала, чуть ли не со времен нашей студенческой юности. Все-таки Алька ему явно импонировал, если не больше.

– И в кого у тебя такой сыночек умный? – спросил Володя меня, отсмеявшись. – Просто душа радуется.

На этот вопрос я предпочла не отвечать, тем более что мы уже подъезжали к воротам Володиного дома, ярко светившегося всеми огнями в наступившей ночи. Там нас ждали, там нам будут рады, а все остальное если и имело значение, то либо косвенное, либо минимальное.

Вот когда настал звездный час Софьи Михайловны! Мало того, что Алеишке она обо- жала, так еще в незапамятные времена тайком стала его крестной матерью, уговорив соб- ственного коллегу принять участие в этой аванюре в качестве крестного отца. Узнали мы все об этом случайно, причем при довольно комических обстоятельствах: коллега-крестный эмигрировал в Израиль, объявив, что является настоящим евреем, поскольку еврейкой была его родная прабабка, а православие было для него временным заблуждением и ересью.

Алька веселился больше всех, поскольку к религии вообще проявлял завидное равноду- шие. Не помогали даже периодические проповеди среди него Софьи Михайловны, которую он в глаза величал «крестной», чтобы сделать старушке приятное, а за глаза звал исключи- тельно по имени и отчеству, чтобы не раздражать отца-атеиста и его не менее прокомму- нистических настроенных родителей. В общем, в моем сыне погибал талант незаурядного дипломата. А, может, и не погибал, а использовался по мере необходимости в нем, таланте то есть.

Стол, который приготовила Софья Михайловна, можно было по роскоши и ассорти- менту сравнить разве что с кремлевским банкетом. Сначала было совершенно непонятно, куда девать всю эту прорву еды, но когда я увидела, как вдохновенно взялся за дело мой ребе- нок, поглощая огромные куски заливного вперемешку с салатами и пирогами, от сердца у меня отлегло. Но неужели Иван на отдыхе экономил на питании? С него станется.

– Тебя что, папа там совсем не кормил? – озвучила мой невысказанный вопрос Софья Михайловна.

– Ты что, крестная, – отозвался с набитым ртом Алька, – там же шведский стол был в гостинице. С утра сколько съел – все твое. Только быстро надоедает, все одно и то же, а овощами-фруктами там только дамочки увлекались, которые фигуру берегли. А я после завтрака брал акваланг – и в море. Пока не посинеешь.

– С отцом, надеюсь? – для порядка строго спросила я.

– Ну... с отцом, конечно... сначала...

– Алька, не ври, все равно не умеешь, – попеняла я ему. – С кем плавал-то?

– Да у нас там, ма, целая компания была: парни, девчонки, отовсюду. Чего старика-то было мучить...

– Ребенок, не наглей, – осадила я его. – Большинство здесь – ровесники твоего отца, нас ты тоже в старики записал?

– Ты младше отца на пять лет, – выкрутился Алька, – тетя Марина тоже.

– А я, между прочим, его ровесник, даже постарше, – подал голос Володя с другого конца стола. – Так что выбирай выражения, видишь, какие тут все обидчивые собрались.

Алька растеряно оглядел стол, но, увидев улыбающиеся лица, успокоился и снова принялся запихивать в организм калории в самых разнообразных видах.

– А обед? – продолжала гнуть свою линию Софья Михайловна. – А ужин?

– Крестная, ты еще бы про полдник спросила! Днем мы с компанией на пляже под тентами пиво пили или кофе с мороженым. Потом по городу гуляли, вместе или каждый по себе. А ужин... как придется.

– Ты с Маринеллой на какой день познакомился? – задала я абсолютно невинный с виду вопрос.

Володя понял и хмыкнул. А Алешка подвоха, естественно, не заметил.

– То ли на третий, то ли на четвертый – не помню. А что?

– Ничего, – пожала я плечами. – Просто спросила.

Про себя же довольно быстро вычислила, что вскоре после этого Алешка был представлен фактически самому себе и хорошо еще, если Иван ночевал в собственном номере. Вряд ли эта красotka была фанаткой подводного плавания, так что досуг они наверняка проводили как-то по-другому. Впрочем, возможно, я несправедлива к Ивану: переночевать, как известно, можно и днем, а ночью спать в собственной постели в одной комнате с сыном.

Всей правды я никогда не узнаю, Алешка, конечно, болтлив, но чужие секреты хранит железно. Да и нужна она мне, эта правда? Бывший муж имеет право на любые развлечения, ребенка мне вернули здоровевшим и отдохнувшим, а кормежка... Софья Михайловна ему в три дня наверстает упущенное, если дело так пойдет.

К концу ужина Алешка ослонел так, что спал за столом с открытыми глазами. Пришлось срочно транспортировать его в отведенное помещение и укладывать спать почти как маленького. Я даже вспомнила времена, когда действительно каждый вечер по-настоящему укладывала его спать, подтыкала одеяло, клялась, что никаких домовых и привидений в природе не существует, и держала за руку, пока он не начинал ровно сопеть в две дырочки. Потом, конечно, все это постепенно сошло на нет: дети вырастают быстро, даже слишком быстро...

Какое-то время я сентиментально любовалась богатырски раскинувшимся в постели Алешкой, думая, что хоть какая-то польза от Ивана простекла: вон какого парня сдělали. Даром, что свой, и то лучше всех. Кажется, даже слезу умиления собрала смачнуть, но передумала и тихонько вышла на балкон, шедший практически вокруг всего дома: только северная сторона оставалась неохваченной, поскольку слишком близко подходила к соседнему участку.

В углу балкона я заметила красный всполох и поняла, что Володя уединился там и отдыхает от слишком интенсивного для него общения. Мешать ему я не собиралась, но он сам тихонько окликнул меня:

– Иди сюда, мать. Посидим, поокаем.

– Или помолчим, – сказала я, опускаясь во второе плетеное кресло перед столиком с пепельницей, бутылками и бокалами.

– Потом помолчим. Я тебя здесь ждал, на самом деле. Видишь, все подготовил, даже лед есть.

– С ума сойти! – восхитилась я. – Обслуживают, как в «Гранд-отеле». И чаевых при этом не берут.

– Стервозина, – беззлобно отпарировал Володя. – Слушай, Алька-то как вырос! Не знаю, обрадует тебя это или нет, но от тебя он, кажется, мало что унаследовал.

– Я всегда подозревала, что Иван мне изменяет, и наш ребенок – не от меня, – согласилась я. – Но, может, это и к лучшему. Романтизм и сентиментальность давно вышли из моды, а зарабатывать беиеные деньги я не умею. Может, у Алешки получится, если он в отца пошел. Только как бы не посадили...

– Кого? – опешил Володя.

– Пока Ивана. Радости мне это не доставило бы, уверяю тебя.

– Ты просто мать Тереза, – усмехнулся Володя. – Любая нормальная женщина только поразовалась бы несчастьем с бывшим мужем.

– А я ненормальная, – сообщила я, – наливая себе чуть-чуть джинна и разбавляя его солидной порцией тоника. – Уж тебе-то это должно быть известно. Стала бы нормальная женщина...

– Поддерживать теплые, дружеские отношения с бывшим любовником, – подхватил Володя. – Тогда и я, получается, с приветом.

– А что, были сомнения? – самым невинным тоном осведомился я.

– Надежда умирает последней... Ладно, побалабонили и будет. Я хотел тебе спросить вот о чем: ты поговорила с Мариной?

– Да мы по-моему только и делаем, что с ней болтаем, – удивилась было я, но тут же вспомнила Володину просьбу и наши с Мариной «суперприватный» разговор. – Ах, да, конечно же, только не помню, в какой день.

– Наверное, когда я был в Москве, – проявил чудеса догадливости Володя. – Неважно. Так что ее гнетет, она тебе толком сказала?

Бывают случаи, когда я говорю сразу то, что думаю, причем бывает гораздо чаще, чем мне того хотелось бы. Вру я крайне редко, не потому, что так уж высокоморальна, а потому, что тут же забываю, что именно наврала и получаются неловкости. Здесь я по какому-то наитию поняла, что нужно сказать правду, но... не совсем и не всю. Иногда подобные экспромты мне удавались достаточно удачно.

– Насколько я поняла, ее очень беспокоит твое здоровье, – спокойно ответила я.

– Это еще почему? – неподдельно удивился Володя. – Я вроде бы поводов не давал.

– Да? А завещание?

– Что – завещание?

– Она сказала, что ты написал завещание и ее заставил, но последнее, она чувствует, просто для отвода глаз. Она считает, что ты просто не хочешь ее пугать, а на самом деле...

– Чепуха какая! – рассмеялся Володя с видимым облегчением. – Я-то думал, что у меня жена европейская женщина, а она все еще одной ногой там, «в совке». Любой цивилизованный человек на Западе, обладающий хоть какой-то собственностью, пишет завещание как только достигает совершеннолетия. Почитай хотя бы «Сагу о Форсайтах».

– Читала, читала. Но у нас это пока как-то не принято.

– И плохо, что не принято. Тебе, например, тоже не помешало бы написать завещание. Когда вступишь в права наследства.

– У меня, слава богу, один наследник.

– А если ты еще раз выйдешь замуж? А если у твоего избранника будет четверо детей от трех предыдущих браков? И все они радостно кинутся растаскивать по кускам квартиру?

– Я же пропишу там Алешку. Какие проблемы?

– А черт его знает, какие там могут возникнуть проблемы, – мрачно ответил Володя. – Марина не знает, а тебе скажу. Если с нами обоими что-то случится сразу, то все, кроме городской квартиры маринкиных стариков, унаследует твой сын.

– Что-что?! – ошалела я.

– То, что слышала. Я не хочу, чтобы заработанное мною после смерти стариков досталось каким-то дальним родственникам или еще лучше – государству. Своих детей у меня никогда не будет...

– Не зарекайся, – посоветовала я. – Дело это нехитрое.

– Марина не может иметь детей.

– Во-первых, наука шагает вперед семимильными шагами. А во-вторых, допустим, что ты неосторожно сходил на сторону. И через девять месяцев – привет, бэби!

– Не признаю, делов-то, – пожал плечами Володя.

– А генетическая экспертиза, голубь мой? – ехидно спросила я. – Тут-то тебя, раба божьего, и прищучат: алименты будешь платить, как зайчик, и младенчика признать своим придется официально.

– Да ну тебя нафиг, Светка, – разозлился Володя, – что ты взялась ерунду молотить? Когда это я налево ходил?

– Спроси лучшие, когда не ходил, – пробормотала я себе под нос, – мне легче ответить будет.

– Иногда я тебя почти люблю, – начал отходить Володя, – только ты умеешь говорить гадости так, что становится смешно. Редкий дар для женщины. Нужно мне было на тебе жениться, на самом деле...

Лучше бы ему было этого не говорить. Конечно, дела давно минувших дней, Маринка – моя ближайшая подруга, и все такое. Но старая-то любовь не ржавеет. И при всей очевидной абсурдности этого высказывания, мое глупое сердце затрепетало и сделало какой-то невысказанный кульбит.

Дурак проклятый, он десять раз мог на мне жениться, от Ивана я бы к нему босиком побежала. Нет, сначала Лариса, потом – Марина. Почему первая, объяснила сама Маринка. Но почему он почти сразу после этого женился на ней? А, какая разница! Умом-то я прекрасно понимала, что семейная пара из нас с Володей вряд ли выйдет, чудо уже, что друзьями умудрились остаться.

В общем, хорошо, что на балконе было темно: выражение моего лица выдавало бы меня с головою. К счастью, Володя пока еще не умел читать мысли, да и переживания других людей его, в общем-то, мало интересовали.

– Значит, здоровье... – задумчиво произнес он. – Ну, это я урегулирую. И это все?

– Денег слишком много зарабатываешь, – усмехнулась я. – И, по-моему, неправильно себя ведешь: вместо того, чтобы делать заначку, как все нормальные мужчины, просто красиво живешь.

– Это она тебе сказала?

– Это она тебе несколько раз намекала, при мне, между прочим. Думаю, что без меня вы говорите откровеннее. Поступал бы, как Иван: минимальная сумма жене на хозяйство, а остальное ее не касается. А красиво жить можно вне семьи.

Помимо моей воли, горечь в голосе все-таки прозвучала. Мне до сих пор было странно и больно вспоминать о том, что я понятия не имела, сколько на самом деле зарабатывал мой первый муж, и до сих пор было живо в памяти ощущение свинцовой тяжести в руках и в спине после многочасовой вечерней подработки на машинке. А как только мы развелись – у Ивана появилась «Тойота», правда, поддержанная, но все-таки иномарка. И как это понимать? Правда я, дура, даже от алиментов отказалась в припадке какой-то сатанинской гордости, но не эти же сэкономленные на Алешке гроши позволили Ивану так быстро обзавестись железным конем?

– Ладно, проехали, – вклинился в мои воспоминания голос Володи. – Во всяком случае, кое в чем ты мне помогла разобраться. Теперь я хотя бы снова четко ориентируюсь во времени и пространстве, а то ты же знаешь: терпеть не могу выяснять отношения с кем бы то ни было. И поступать, как Иван, тоже не могу – не тот характер. Кстати, могу тебя успокоить: тюрьма ему пока не грозит, в своей новоиспеченной фирме он ведет себя предельно осторожно.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я. – Вы вроде бы отношения не поддерживаете...

– Мир тесен, дорогая, точнее, прослойка тонкая. Есть кое-какие общие знакомые... Ладно, мы с тобой заболтались, а лекарство ты, конечно, принять забыла. Иди, пей таблетку и ложись, между прочим, второй час ночи...

– Между прочим, мне завтра в шесть утра не вставать, – напомнила я. – Это у тебя режим концлагеря.

– Между прочим, завтра объявляется праздничная амнистия по случаю приезда Альки, – отпаривал Володя. – Один день могу себе позволить отдохнуть и побездельничать. Съездим на реку, устроим пикник с раками, шашлыками и пивом. Жизнь так коротка...

– Спиши слова, – попросила я. – Раков и шашлыки сам будешь ловить?

– Если ты не в курсе, давно существуют рынки и супермаркеты. С утра с Алешкой смотаемся, а вы пока тут посуду соберете, скатерти, то-се. Тем более, завтра – суббота, Маринка на работу не поедет, тоже выспится.

Что ж, пикник, так пикник. Значит, и у Софьи Михайловны будет выходной день... если она сможет удержаться от готовки. Хотя бы для разнообразия.

Для разнообразия я безобразно проспала и продрала глаза уже около одиннадцати утра. Высунула нос из комнаты и обнаружила, что дом практически пуст. Маринкины родители, судя по всему, возились в саду с цветами – единственные земляные работы, которые им оставил зять. Я выпила свой утренний коктейль и начала готовить себе обычный завтрак: кофе и тосты: с хитромудрой техникой я уже управлялась только так.

А потом, ощущая себя то ли голливудской кинозвездой, то ли женой миллионера, направилась в бассейн. Н-да, привыкну – в Москве скучновато будет, тем более что даже в ближайший бассейн «Чайка» после кофейку в халате не набегаешься. А открытый бассейн уже да-а-вно закопали. Храм, правда, построили красивый.

Когда я вышла из бассейна, то обнаружила, что Марина и Володя, а также мое чадо уже вернулись с покупками и Алька перетаскивает пакеты из багажника на кухню. Меня сыночек мимоходом клюнул в щеку, сказал ласково «причешись, растрепана» и понесся освежиться в бассейне. Выглядел ребенок довольным и счастливым, судя по всему, о несостоявшейся поездке со мной на курорт он не жалел ни капельки. Ему и так было хорошо.

А через два часа возле реки стало и вовсе отлично. Мы с Маринкой лениво загорали возле воды, дожидаясь, пока мужчины соорудят шашлыки, по их утверждению, «не терпящий женских рук». Раки с шашлыками не монтировались, поэтому решили оставить их как-нибудь на другой раз. Но Алешка не был бы Алешкой, если бы не пошутил очередную милую шутку: во время короткого купания в Десне он исхитрился-таки поймать какого-то заблудшего рачка и не нашел ничего умнее, чем подкрасться ко мне и тихонечко опустить членистоногое на область декольте. Моего. От того визга, который я издала, по-моему, всплыла вверх брюхом вся рыба в реке: в тротиловом эквиваленте это было никак не меньше килограмма.

Других чрезвычайных происшествий не случилось, поэтому пикник удался. Я радовалась еще и тому, что обычно озабоченное лицо Марины как-то расслабилось и выглядело почти умиротворенным. Наверное, вчера вечером Володя нашел какие-то убедительные слова, это он умел как никто. Или – не слова... Я ощутила нечто вроде легкого укола ревности и обругала себя малохольной душой.

– Ма, – тронул меня за плечо Алька, – ты что, уснула?

А я и не заметила, как он подошел.

– Нет, сыночка, просто задумалась.

– О чем?

– Ни о чем. Поток сознания. У меня еще будет время подумать о чем-нибудь конкретно.

– Ты очень тоскуешь о Валерии Павловне?

Я только кивнула. Говорить на эту тему мне еще было трудно даже с Алешкой, хотя время, безусловно, делало свое неспешное дело.

– А я все думаю, как ты тут одна будешь?

– Придется привыкать. Рановато я, конечно, овдовела, но ведь ничего принципиально нового в мире не произошло. Как говорил Булгаков, человек смертен, и самое неприятное, что он смертен внезапно.

– Тетя Марина сказала, что ты отравилась ртутью.

– Есть и такое предположение, – согласилась я. – То есть вариантов два: лучевая болезнь или ртутное отравление. Первую мне подхватить было негде...

– А...

Я предупреждающе подняла руку:

– Алька, в больницу я не лягу. Возможно, это глупо, но там я просто свихнусь. Меня и здесь неплохо лечат, результаты, как говорится, налицо. Все пройдет. Еще бы волосы лезть перестали...

Алешка внезапно оживился:

– Слушай, я вот что хотел тебе сказать: дай мне с собой в Англию прядь волос.

– В золотом медальоне? – насмешливо спросила я.

– Можно просто в целлофановом пакете, – отказался принимать шутку Алешка. – мне нужно для анализа. Если это ртутное или какое-нибудь еще отравление, то спектральный анализ волос все замечательно покажет.

– Да ради бога, забирай хоть всю косу, точнее, то, что от нее осталось. Сыночка, у меня не такие прочные нервы, как у тебя, давай переменим тему.

– Извини, ма, я не подумал, – покаянно сказал Алешка. – А бестактный вопрос можно задать?

– Попробуй.

– Ты больше никогда замуж не выйдешь?

Я даже привстала, опираясь на локоть, и сняла темные очки.

– С чего это ты?

– Мне бы спокойней было...

Я облегченно откинулась назад.

– Найди мне в Англии какого-нибудь респектабельного джентльмена, лучше, конечно, лорда. О, слушай. Там же специально для меня жених образовался: наследный принц Уэльский. Со временем стану английской королевой, поди-ка плохо.

– Все шутить, – укоризненно сказал Алешка, – а я серьезно. Может, к отцу вернешься?

– А его ты спросил? Это во-первых. А во-вторых, я лично это сделала бы лишь под общим глубоким наркозом. Второй раз на те же самые грабли... все Алешка, закрыли тему. Я не Гертруда Датская, чтобы выходить замуж, когда «целы башмаки, в которых гроб она сопровождала, в слезах, как Ниобея...» В монахини я не собираюсь, успокойся. И одна не буду: есть тетя Марина и дядя Володя, есть тетя Галя и дядя Слава. Есть работа. Успокойся, малыши, я женищина сильная, справлюсь.

Сына я, может быть, и успокоила. А вот сама часть с таким трудом обретенного спокойствия утратила. Конечно, здесь, в этой сказке, окруженная заботой, я была спокойна. Все казалось простым и ясным. А потом?

И тут я вспомнила, что у меня есть приятельница, с которой мы, правда, общаемся в основном по телефону, но довольно часто. Зовут ее Алиса, а прозвище у нее – Таросская. Отчасти по аналогии с Дулыциней Тобосской, но в основном потому, что она гадала на картах Таро. Говорят, мастерски, хотя самой увидеть ее искусство не довелось, как-то ни к чему было. Почему бы мне после Алешкиного отъезда не навестить ее? Суеверие суеверием, но...

В конце концов, я хоть и сильная, но всего-навсего слабая, доверчивая женищина.

У него первоначально тоже не было денег. Зато всегда была светлая голова. И умение войти в доверие. Девчонки из патентного бюро ничего не могли заподозрить, кроме того, что он явно неравнодушен к одной из них. Неравнодушен – ха! Он был и остался неравнодушен к тем документам, которые эти безмозглые балаболки оставляли на рабочих столах, убегая покурить, подкраситься или по каким-то еще столь же «важным» делам. А мини-фотоаппарат давным-давно изобретен. Перевести информацию на английский – вообще не проблема. Сложнее всего было найти покупателя, но он и с этим справился.

Достаточно того, что он один-единственный раз расслабился – и тут же стал жертвой вульгарного шантажа. А потом допустил утечку информации. Большие он таких ошибок не сделает. И если понадобится убрать еще кого-то – уберет. Люди, угрожающие его благополучию, не имеют права на жизнь.

Глава пятая. Дьявольские штучки

До отъезда Альки на учебу в слишком далекое зарубежье оставалась неделя, когда я решила, что пора и честь знать. Провозились со мной и моим сыночком в этом гостеприимном, почти родном доме более чем достаточно, да и не могла же я всю оставшуюся жизнь там провести. И без того моя собственная квартира осталась фактически без присмотра: слава богу, что там не было цветов, нуждавшихся в поливке.

В общем, в одно прекрасное утро мы с Алькой собрались и Володя, изумив всех этим опять же до чрезвычайности, оторвался от собственной работы и повез нас домой. Справедливости ради должна сказать, что своим ходом мы вряд ли бы добрались: Софья Михайловна собрала нам в дорогу столько всяких припасов, что мы вполне могли бы пережить две зимовки на Северном полюсе.

И дело было даже не во всяких пирогах, плюшках и мясе всевозможного запечения и жарения, а в огромном количестве банок с вареньем, джемом, желе и компотами, не говоря уже про соленые огурцы и сушеную, а также засоленную зелень. Банки с этими чудесами кулинарии заняли ящика три, так что багажник иномарки оказался забит под завязку.

Володя все это перенес на редкость спокойно: наверное, в глубине души был все-таки рад, что мы уезжаем. И я его не винила. При его обычной замкнутости прожить почти два месяца бок о бок с фактически посторонними людьми было для него настоящим подвигом. Он и от родственников-то старался держаться подальше – в пределах территории и хороших манер.

Москва встретила нас духотой и пылью, хотя жары уже как таковой не было. А соседка по лестничной площадке, с которой мы поддерживали чисто дипломатические отношения на уровне «Здравствуйте», – неожиданно пространной речью. Пока я отпирала квартиру, а мужчины таскали в дом поклажу, соседка вышла на площадку и после традиционного приветствия огорошила меня:

– Что же вы кошку-то дома так надолго оставили? Хоть бы ключи мне дали, я бы ее кормила, если с собой взять не могли.

Я оторопела. Никакой живности у нас в доме сроду не водилось, хотя Алька периодически ныл, клянча собаку, но Иван эти поползновения пресекал в корне: чувствовал, что хотя бы время от времени выгуливать пса придется ему, а лишней головной боли он не любил. Потом вопрос вообще сам по себе сошел с повестки дня: сначала ребенок жил то у отца, то у нас с Валерием, а в скором времени отбыл за рубеж. Но в любом случае кошки в доме не могло быть по определению.

– Простите, но у нас нет никакой кошки, – сказала я. – Покойный муж их не жаловал. И уж конечно я бы не оставила животное на два месяца без присмотра.

– *Я же не сумасшедшая, – пожала плечами соседка. – У вас на балконе почти каждый день сидела черная кошка. Очень красивая, кстати. Но иногда мяукала так жалобно, что просто сердце разрывалось. Мой муж даже доску перекинул с нашего балкона на ваши, я молока в блюдце налила, но она так и не пришла.*

Как кошка могла попасть на наш балкон, я понятия не имела. Уж точно не из квартиры, а балконная дверь, как и окна, я плотно заперла перед отъездом. Единственная мысль, которая первоначально пришла мне в голову: соседка не в себе. Тихая такая сумасшедшая, а что? Или выпивает втихаря, вот и мерещится...

Вслух я, конечно, этого не сказала, а выдвинула более или менее разумную гипотезу:

– Может, она просто забиралась на наш балкон по водосточной трубе? Тихо, людей нет, собаки не достанут. А потом уходила туда, где живет.

Версию эту соседка восприняла, судя по ее виду, довольно скептически, но тут появился Володя с очередным ящиком и дискуссия прекратилась сама собой. Я, наконец, получила возможность войти внутрь и почувствовала... отчетливый запах, который оставляют кошки. Вот это был сюрприз так сюрприз! Значит, какую-то из форточек я действительно не закрыла и злобное животное таким образом проникло в квартиру. Странно только, что все двери были не только плотно закрыты, но и заперты.

– Ма, а чего это у нас так кошками волочет? – спросил мой ребенок, появившись в квартире. – Ты их, вроде, не жалуешь.

Я только плечами пожала. Значит, у меня не глюки, и на том, как говорится, спасибо. Когда же я отперла все двери, то выяснила, что и форточки я добросовестно закрыла и заперла, не говоря уже об окнах. Тут уж я вообще перестала чего-либо понимать.

Володя на запах особого внимания не обратил, о всяком случае, никак это не прокомментировал. К тому же он торопился по своим делам и, пожелав нам всяческих благ, быстро ретировался. Нам с Алешкой предстояло самим разбирать немалый багаж и разбираться в ситуации.

Честно говоря, всю жизнь относилась к рассказам о барабашках, полтергейстах и прочих потусторонних явлениях, от которых ум за разум заходит, с изрядной долей скепсиса. С моей точки зрения, все очень просто: звукоизоляция в наших домах безобразная, нервы у большинства граждан оставляют желать лучшего, то, чем потчуют родные до боли средства массовой информации, тоже, как говорится, не вызывает оптимизма. Ну и в конце концов пить надо меньше.

Думаю, что подобную точку зрения молча или вслух разделяют многие. И, наверное, никогда бы не поверила в существование подобной ерунды, если бы не последующие события. Мифическая кошка и достаточно реальный ее запах – это были, оказывается, только цветочки. Первый звоночек, так сказать. Но я к нему прислушалась не слишком внимательно, хотя...

Хотя даже если бы я несколько часов подряд ломала голову над тем, что бы это могло значить, то скорее всего, погрешила бы на вентиляционную систему в нашем доме, которому вот-вот стукнет сто лет. Если уже не стукнуло.

На автоответчике имелся целый ворох посланий, но не чрезмерный: штук восемь, примерно. Половина из них не содержал никакой информации: люди просто швыряли трубку. Не любит почему-то наше население автоответчики, никак к ним не привыкнет, хотя к мобилькам адаптировалось практически мгновенно. Еще одна загадка таинственной русской души...

Два послания были от алешкиных школьных приятелей и содержали только просьбу позвонить. А еще два – от Ивана, причем эти были самые свежие, вчерашнее и сегодняшнее. Мой бывший супруг интересовался датой отлета сына за рубеж и выражал желание до этого непременно повидаться с любимым ребенком.

– Позвони отцу, – сказала я Альке. – А я пока тут попытаюсь проветрить и разберусь с холодильником. Не знаешь, зачем мы его отключили перед отъездом? Там ведь еще что-то оставалось...

«Что-то оставалось», – это было еще мягко сказано. К сожалению, определить, что именно там было, можно было только по надписям на банках и коробках. Если же продукты лежали без наименований и маркировки, то идентификации, как говорится, уже не подлежали. Н-да... И запах был соответствующий. Вот вам и неведомая кошка, черная, красивая и пахучая. Просто мое обычное разгильдяйство.

Вывалив все в мусорное ведро, я отправила Альку оттащить все это на помойку, а сама занялась тщательным мытьем холодильника. Мусоропровод в барских хоромы предусмотрен не был, равно как и горячая вода: в ванной была газовая колонка с отводом в кухню. Но вот это как раз было удобно: стихийного бедствия под названием «плановое отключение горячей воды» нам было неведомо.

Алька вернулся... с черной кошкой на руках. Сказать, что я обалдела – значит, ничего не сказать. Какое-то время я тупо смотрела на свое чадо потом, наконец, обрела дар речи:

– Где ты **это** взял?

– Она под дверью отиралась и сама мне на руки запрыгнула, – объяснил Алешка.

– Ну, и что ты собираешься с нею делать?

– А ты ее не хочешь оставить? Все-таки я уеду, тебе будет веселее.

– С черной кошкой? – сказала я с огромным сомнением. – Нет, лучше я развлекусь как-нибудь еще. Сыночка, она же уличная и вполне взрослая, со всеми вытекающими из этого последствиями.

– То есть?

– То есть писать и какать она будет там, где сочтет для себя удобным, – слегка обозлилась я. – Сделай милость, отнеси ее на улицу и отпусти. А потом, как минимум, как следует вымой руки. Только черной кошки нам и не хватало. Чудное дополнение к коллекции твоего отчима!

Надо сказать, про коллекцию я вспомнила не случайно. Собрание у Валерия было уникальным, во всяком случае, таких, насколько мне известно, во всей Москве больше нет. Где-то в мире, в каком-то музее – да, существует. Но не в частном доме.

Началось все с пепельницы, которую кто-то из друзей подарил моему мужу на день рождения. Обычная такая, каслинского литья, в виде головы Мефистофеля. А поскольку муж имел слабость видеть в себе сходство с означенной личностью, причем, как мне кажется, не только внешнее, хотя о последнем, конечно, особо не распространялся, то подарок был им принят с восторгом. И положил начало целой коллекции всевозможных изображений хвостатых и рогатых существ, которые с персонажем произведения бессмертного немецкого поэта уже ничего общего не имели. Равно, как и внешнего сходства с моим супругом.

Наша квартира, точнее, комната Валерия очень недолгое время спустя после начала коллекционирования оказалась завешана и заставлена картинами, фигурками, деревянными и гипсовыми масками, статуэтками, изображавшими «врага рода человеческого». Коллекция была вполне интернациональной: вырезанное из дерева чисто российское изображение мирно соседствовало с ярко раскрашенной гипсовой маской какого-то экзотического колдуна.

А уж фигурок каслинского литья всех размеров было столько, что сразу и не считаешь. Дополняли всю эту «икебану» несколько скелетиков разных размеров и из разных материалов, пара пепельниц в виде человеческого черепа и изображение ведьмы верхом на помеле. Как говорится, истинный шедевр домашней коллекции. Ну, и книги, конечно, соответствующего содержания – целая полка.

У меня хобби мужа не вызывало никаких эмоций, кроме редко прорывавшегося раздражения. Нет, не художественными достоинствами и не направленностью. Было элементарно жалко денег, которые уходили на приобретение все новых и новых экземпляров. Но я помалкивала. Известно ведь: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы водки не просило. Аналогичный случай.

Вот чему я категорически противилась, так это распространению коллекции на остальную квартиру, главное, на мою собственную комнату. Потому что над кроватью у меня с незапамятных времен висело распятие, а в углу – небольшая икона. Да и крещена я была через месяц после рождения, а не после распада Советского Союза, и крестик прадедушкин носила, сколько себя помнила. И хотя в вопросах веры и религии была ничуть не менее дремуча, чем большинство моих ровесников, тем не менее догадывалась, что у меня мужниной коллекции делать нечего. Как выяснилось впоследствии, правильно догадывалась.

Но вот то, что хандра и депрессия у мужа из временных явлений перешли в хроническое состояние, меня не насторожило. То есть, конечно, ликования не вызвало, и какими-то доморощенными способами я с этим пыталась бороться. Ну, там, типа «гулять перед сном» или «не есть на ночь сырых помидоров».

Эффект от этих попыток был, конечно, нулевым, особенно если учесть то яростное сопротивление, с которым эти попытки встречались. Кончилось тем, что муж практически не выходил из дома и все время лежал на диване в окружении своих «рогатеньких». Пока в один далеко не прекрасный день не отправился в мир иной. Хотя, в принципе, я готова была дать голову на отсечение, что ничем серьезным он не страдал и на недомогания не жаловался вообще.

Так что черная кошка, конечно, вписалась бы в интерьер комнаты Валерия, но в квартире ей решительно нечего было делать. С этим чуть позже согласился и Алька, который, открыв дверь в комнату Валерия, совершенно очумел: за время его отсутствия число экспонатов увеличилось чуть ли не вдвое. И пахло в комнате не испорченными продуктами и даже не кошками, а какой-то затхлостью, чуть ли не плесенью. Как в погребе, куда редко заходят. Конечно, северная сторона, закрытая форточка и все такое. Но все же...

– Ну и ну! – сказал Алька, придя в себя. – И что теперь со всем этим делать? Ма, я в этой комнате спать не буду, тут гнилью пахнет.

Еще на даче мы решили, что неделю до отъезда Алька поживет именно в этой комнате, а не в проходной рядом с моей спальней. Собственно, он сам выдвинул такую идею, я же не имела ничего против. Но если честно, мне в таком помещении тоже как-то не хотелось особо задерживаться, тем более – ночевать.

– Позвони-ка ты отцу, – предложила я. – Он жаждет тебя видеть. А то, как это у вас водится, дотянете до последнего дня, а виновата, как всегда, буду я.

– В чем это? – заинтересовался Алька.

– В том, что препятствую тебе видеться с родным отцом, – удовлетворила я его любопытство. – Было уже, проходили. Так что давай, утрясай эту проблему. Мне своих хватает.

Алешка пошел звонить отцу, а я продолжила осмотр квартиры. В моей комнате, слава богу, все осталось без изменений, даже пахло, как всегда: лавандой и моими любимыми духами. В проходной тоже было нормально, только пыли многовато. Пока открытый холодильник высыхал, я взялась за протирку полов и мебели и вообще – за уборку, попутно соображая, чем кормить ребенка на обед и на ужин. Благослови Боже Софью Михайловну, благодаря ей хоть с этим никаких трудностей не возникало.

– Ма, – услышала я Алешкин голос, – ты можешь на минутку оторваться?

Я с удовольствием распрямила спину и вышла на кухню. Алешка сидел у телефона с довольно растерянным видом.

– Ну, что?

– Понимаешь, папа предлагает, чтобы я сегодня к нему приехал... с ночевкой. А то завтра он занят. И послезавтра, возможно, тоже.

– И что тебя смущает?

– Ну, как-то в первый же день оставлять тебя одну...

– Глупости! Я же не маленькая девочка. А если тебя волнует, что ты не сможешь помочь не с уборкой, то не волнуйся, здесь работы на неделю хватит. Поезжай, пообщайся с отцом.

– Понимаешь, он сказал, что завтра идет в театр. С этой... Маринеллой.

– Она тебе не нравится? – индифферентно поинтересовалась я. – Так ты же не собираешься ней в театр идти. Что происходит, сынок?

– По-моему, он собирается на ней жениться.

– Что ж, естественное желание нормального порядочного мужчины: жениться на красивой, молодой девушке.

– Она его не любит.

– Это еще откуда информация?

– Я же не слепой. Она – кукла, просто тупая, жадная кукла, которая любит только деньги.

Я пожалала плечами. На меня при нашей мимолетной встрече Маринелла вообще не произвела никакого впечатления: я запомнила только эффектное сочетание серых, чуть раскосых глаз и смуглой кожи. Но Алешке, конечно, виднее. Только это опять же не мое дело – на ком собирается жениться мой бывший муж. Он давным-давно совершеннолетний.

– В любом случае, поезжай и пообщайся с отцом, пока он на ней не женился. И не забудь, что через неделю ты вообще уезжаешь. Так что не усугубляй.

– Не буду, – обещал повеселевший Алька. – Ма, а кормить в этом доме принято?

– Сейчас пол домою и покормлю, – обещала я, – а ты пойди и разбери сумки, которые нам твоя крестная собирала. По-моему, там на полк солдат хватит. И чайник поставь. Да, кстати, посмотри, есть ли у нас заварка и кофе.

Через десять минут мой ребенок, украдкой что-то жуя, доложил, что заварки – на один раз, а с кофе вообще беда, потому что никакого нет. Ни в зернах, ни молотого, ни растворимого.

– Вот сбегай в магазин, пожалуйста, купи чаю, кофе и черного хлеба для меня, – попросила я. – После этого поедим – и можешь отправляться к папеньке. Вы на который час договорились?

– Он сказал, что сегодня освободится пораньше. Просил приехать часам к пяти.

– Сейчас сколько, час? Ну, времени у тебя еще полно. Давай, сын, выполняй. На тебе денежку и... ой, солнышко, сигарет мне купи, пожалуйста. Чтобы мне хотя бы до завтра хватило.

Алешка дурашливо отдал честь по-военному и испарился. А я пошла заваривать чай и накрывать на стол. В первую очередь нужно было съесть салат и пирожки с мясом, а остальное пока может и подождать...

Когда Алешка отбыл к отцу на Красную Пресню, я позволила себе немного расслабиться: заварила кофе покрепче и села на своем любимом месте у кухонного окна. Из него лучше всего виден был храм и даже кусочек Москвы-реки просматривался.

В свое время, Валерий приволок откуда-то старое дубовое кресло с затейливой резьбой, но без сидения и без середины спинки. Он колдовал над ним около месяца и в результате торжественно преподнес мне отлакированный и отреставрированный шедевр, с сидением и спинкой обитыми темно-зеленым бархатом. Сидеть в нем было необыкновенно удобно, а широкий подоконник позволял держать на нем и чашку, и пепельницу и даже целый кофейник, если бы в том возникла необходимость. Я сидела и думала, что обязательно куплю себе кофеварку: не такую навороченную, как у Володи, а небольшую, компактную, и поставлю ее вот тут, рядом с креслом.

Остаток дня прошел в хозяйственных хлопотах, по телефону никто меня не беспокоил, только Алешка дисциплинированно доложил, что прибыл к месту назначения. Уже в первом часу ночи я, наконец, собралась спать и только вытянувшись в постели, почувствовала, как я вымоталась за сегодняшний день. И тут же провалилась в глубокий сон.

Проснулась я от того, что где-то совсем рядом дурным голосом вопила какая-то кошка. То есть совсем рядом – буквально в самой квартире. Я зажгла свет, спустила ноги с кровати, напарила шлепанцы. Вопли тут же прекратились.

Тем не менее, я обошла всю квартиру, убедилась, что кошка мне приснилась на фоне сегодняшних событий, попила на кухне воды, покурила. На часах было четыре часа утра, за окном – еще совсем темно. Я пожалела о том, что Ивану приспичило видеть Алешку именно сегодня, когда меня посетил кошмар, и снова отправилась спать.

На сей раз сон не шел довольно долго, но все-таки я заснула. И проснулась от того, что солнце било мне прямо в лицо: оказывается, вчера вечером я забыла задернуть шторы, хотя обычно делаю это чисто автоматически.

При свете дня ситуация представилась менее загадочной, чем ночью. Ну мало ли где и какая кошка раскричалась, а мне со сна показалось, что она вопит непосредственно в квар-

тире. Нервы, нервы... Хорошо, что Алешка сегодня будет ночевать дома. Хотя надо привыкать к самостоятельности: скоро мне придется все время быть в этой квартире одной, днем и ночью. Так что нервы нужно лечить, иначе путевка в Кащенко мне обеспечена.

Алька вернулся домой часа в четыре дня: мрачный и не очень разговорчивый. Я знала, что нужно дать ему отойти: сам все расскажет, если захочет, конечно. Хотя, конечно, беспокоилась: что там такое могло произойти? Неужели он столкнулся с Маринеллой и та его чем-то обидела? Или Иван отчудил что-нибудь эдакое: например, жаловался на меня по какому-нибудь надуманному предлогу. Хотя... к этому-то Алешка давно уже привык, это его огорчить не могло.

Сын слегка оттаял только за ужином и сам начал разговор о какой-то ерунде. Я отвечала в том же духе, размышляя, как он подберется к главному. Но нынешнее поколение на вещи смотрит проще, Алешка через какое-то время просто называл вещи своими именами.

– Ма, ты могла бы собираться замуж за одного мужчину, а встречаться при этом с другим? – спросил он меня.

– Почему бы и нет? – спокойно ответила я. – Я собиралась замуж за твоего отца, а иногда встречалась, например, с дядей Володи.

– Нет, не так встречалась. А... Ну, целовалась и все такое...

– В наше время нравы были строже, – осторожно сказала я. – Такие поступки не приветствовались.

– Но ты могла бы?

– Не знаю, сыночек, не пробовала. Скорее всего, нет. Впрочем, у меня не было повода проверить: я к свадьбе готовилась. И потом, понимаешь ли, твой отец и так меня всю жизнь пилил, что он у меня – не первый мужчина.

Алька вытаращил на меня глаза в неподдельном изумлении.

– А сколько тебе было лет, когда ты замуж выходила?

– Двадцать.

– Он что, думал, что ты – старая дева?

Я покатила со смеху. Да, времена и нравы меняются стремительно. Кому во времена моей молодости могло прийти в голову назвать двадцатилетнюю особу старой девой?

– Почему это тебя так взволновало? – спросила я, отсмеявшись. – И к чему эти вопросы о моей нравственности?

Алька помялся, покранел и, наконец, сказал:

– Отец видел Маринеллу с другим мужчиной. Они целовались прямо на улице.

– А обознаться он не мог? Я так полагаю, он проезжал мимо, а не стоял в двух метрах от них.

– Наверное... Но он мне жаловался, что Маринелла никак не может назначить день свадьбы и стала отменять свидания.

Я не совсем понимала, зачем Ивану понадобилось жаловаться мальчишке на свои, сугубо личные мужские проблемы, но что сделано, то сделано. Судя по всему, его красотка нашла жениха повыгоднее. Что при ее внешности не проблема, да и разница в возрасте у них больше двадцати лет, а это тоже не облегчает ситуацию.

– А что в квартире? Чисто? Кто-нибудь там убирается?

– Непохоже, – покачал головой Алка. – То есть папа, конечно, что-то делает, но присутствие женщины там как-то не ощущается. Они и едят не дома, а в кафе или ресторанах.

– Красиво жить не запретишь, – философски заметила я. – Ты же со своей подружкой в Англии тоже во всякие пабы, небось, ходишь.

– Но это же совсем другое дело! Мы не собираемся создавать семью!

– Пока или вообще?

– Ма, не бери в голову. Там не женятся и не выходят замуж, пока не начинают прилично зарабатывать. Так что лет пять можешь жить спокойно: внуков у тебя не будет и невестки тоже.

– Гора с плеч! – саркастически заметила я. – Я так мечтала понянчить маленького!

Алька приснул и окончательно развеселился. Я не задавала лишних вопросов, но чувствовала, что к отцу он вряд ли еще поедет перед отъездом. Найдет себе занятие поинтереснее. Про свои кошмары я ему рассказывать не стала, элементарно постеснялась. Дп и психику ребенка пожалела, хватит того, что родимый папенька вывалил на него всю гору своих проблем.

Ночь прошла совершенно спокойно: никаких воплей и мяуканья, никто меня не будил. Но утром обнаружилось, что привычные предметы на кухне находились совсем не там, где им положено быть. Чайник с плиты переместился на подоконник, пепельница оказалась на буфете, а не на столе, а вот сахарница – не на буфете, а в холодильнике. Мне стало не по себе, но Альку я опять впутывать в это дело не стала: просто вернула все на место и постаралась забыть об этом странном происшествии.

Но он сам утром обнаружил, что в доме нет ни хлеба, ни молока, хотя хлеб, например, лично покупал только позавчера. Он слегка удивился, но «усугублять», как мы между собой называем такие вещи, не стал, а просто быстренько смотался в магазин за необходимым для завтрака.

Я была потрясена этим куда больше: лично мне казалось, что все необходимые продукты в доме имеются. Не могла же я за сутки съесть буханку хлеба, даже в состоянии прострации после ночного кошмара. Единственное, что не оставалось, это постараться выкинуть эпизод из головы. Мне это удалось, не сразу, но удалось, после того, как мы с Алькой несколько часов подряд наводили порядок в квартире. В основном, размещали в кладовке и на балконе заготовки, подаренные Софьей Михайловной.

Но вот сигаретный пепел, который на следующий день я увидела и на плите, и на рабочем столе, и еще в разных совершенно неподходящих местах, меня уже испугал, а Альку озадачил. Значит, решила, я настолько не в себе, что курю уже где попало, причем не помню об этом. Если учесть, что процесс курения у меня всегда происходит в одном и том же строго отведенном месте и пепел никуда, кроме пепельницы, попасть просто не может, это настораживало. К тому же в пепельнице-то я обнаружила окурочек, которого не могло существовать в принципе: такие всегда оставлял Валерий, а он... Похоже было, что пора обращаться к психиатру.

А потом начались стуки, звуки, самопроизвольное передвижение мебели и всякие прочие «прелести». Несколько раз у меня возникало четкое ощущение того, что кто-то заглядывает ко мне в окно. Если учесть, что окно это находится примерно в десяти метрах от поверхности земли, то мысль была безусловно интересной. Предметы, правда, по квартире не летали – врать не буду. Но зато возникло впечатление, что квартира прямо-таки выталкивает меня из себя. Во всяком случае нормально жить в ней было невозможно, а уж спать – тем более. Даже Алька, у которого отродясь не было проблем со сном, стал просыпаться от этих непонятных шумов, и предположил, что в доме появился классический барабашка.

– Давай поищем специалиста по аномальным явлениям, – предложил он.

В этот момент внезапно вспыхнул доселе мирно стоявший возле дивана торшер. То есть не лампочки зажег, а заполыхал самым неподдельным огнем торшер. Счастье, что в этот момент мы оказались дома и рядом, а то и до беды было недалеко. Когда мы с Алькой погасили огонь, я решительно оделась и сказала, что иду к специалисту. К психиатру.

– Позвони сначала в организацию по аномальным явлениям, – удрученно сказал Алька. – Надо где-нибудь раздобыть телефон.

– Вот и займись этим, – сказала я, остывая, – а я пока схожу по делам.

По делам: это было сильно сказано. Просто я решила пойти в церковь, куда иногда захаживала по настроению. Почему – не знаю, захотела и все.

Надо сказать, что особого понимания я со стороны местного священника не встретила. Он посоветовал выбросить из дома «греховные изображения», помолиться, покаяться, исповедаться и причаститься. Совет вполне разумный, но беда заключалась в том, что я никак не могла заставить себя прикоснуться к этим самым изображениям. Не поднималась рука – и все тут.

Я вернулась домой, отогнала Альку от телефона, который уже раскалился от бесплодных попыток найти нужные координаты, позвонила своей приятельнице-гадалке Алине, признанной специалистке по магии и прочим штучкам, и постаралась внятно изложить ситуацию. Особо я напирала на то, что не могу выбросить коллекцию сама, а сейчас как раз Алька в Москве, было бы удобно... Услышав об этом, Алина пришла в ужас:

– Нельзя это делать самой, ты с ума сошла! А уж ребенка привлекать... И думать об этом не смей! Вот телефон моего батюшки, звони ему, советуйся и делай все, как он скажет.

Батюшка оказался человеком в высшей степени тактичным и понимающим. Он подтвердил, что самостоятельность в этом случае недопустима, и взялся помочь. На следующий же день он приехал и прежде всего отслужил молебен, а потом сам сложил всю окаянную коллекцию в несколько больших картонных ящиков и куда-то унес. Вернувшись же, по всем правилам освятил квартиру, исповедовал меня, причастил и...

И наступила тишина. Ни пугающих ночных звуков, ни самопроизвольно меняющих свои места предметов – ни-че-го! Не испытай я весь предыдущий кошмар на собственной шкуре, я бы посчитала такой рассказ плодом чьей-то безудержной фантазии. Были у меня сомнения относительно собственной психической адекватности, и окрепнуть им не дало только то, что Алька при всем этом присутствовал, а у него с психикой все в порядке.

Самое интересное заключалось в том, что во время моих злоключений в квартире мне ни на минуту не пришло в голову самое простое средство хотя бы временно облегчить свое положение: перекреститься. Причем не только самое простое, но и самое в такой ситуации естественное.

Но на меня как будто затмение нашло – не вспомнила ни о том, что в прикроватной тумбочке лежит молитвенник, ни о том, что святая вода и у меня самой в доме была. Впрочем, батюшка меня утешил, сказав, что все к лучшему, потому что самостоятельно изгонять бесов могут только святые. Пояснять свою мысль ему нужды не было.

Должна сказать, что отношение окружающих к этому происшествию было, мягко говоря, неоднозначным. Большинство, правда, считало, что все было сделано правильно, что не стоило моему мужу увлекаться таким опасным коллекционированием и что все наши беды – от неверия.

Но вот Иван, например, сурово осудил меня за то, что я так «варварски» расправилась с дорогой коллекцией, поддавшись панике, истеричному состоянию и вообще – бабьей дури. Можно было продать и получить очень и очень приличные деньги. Я отчетливо вспомнила эту самую панику и истеричное состояние, и чувство вины меня не посетило. Но и Ивана я винить не могла: случись такое не со мной лично – тоже с трудом бы поверила. Если бы поверила вообще.

Сейчас, по прошествии довольно длительного времени, можно, конечно, спокойно рассуждать о том, что такое вера и что такое суеверие, были ли эксцессы в моей квартире плодом воспаленного воображения или чем-то куда более серьезным. Сейчас можно, но... не хочется. Потому что сразу вспоминается тот ужас, который я пережила.

Добавлю еще, что муж был некрещеным. В конце тридцатых годов его родителям-коммунистам ничего подобного в голову не приходило и прийти не могло. Кто постарше, помнит, чем подобные поступки грозили людям и сколько священников, монахов и монахинь, да и просто верующих людей было среди лагерников.

Конечно, можно было креститься и в сознательном возрасте, но есть люди, которые не меняют своих убеждений в зависимости от ситуации. Меня же крестила прабабка (кстати, тайком от моих родителей), потому что и помыслить не могла поступить иначе. Наверное, мне крупно повезло, иначе «веселые ребята» и за меня бы взялись основательно, равно как и за Альку.

Так что с хобби нужно быть очень и очень осторожными. Начавшись с безобидной, казалось бы, пепельницы, чертова коллекция отобрала у своего хозяина жизнь, в чем я была теперь стопроцентно уверена, а меня чуть не лишила рассудка. Бог, как говорится, миловал, советы и помощь добрых людей помогли избавиться от дьявольских штучек. И радиация тут совершенно не при чем, это все шуточки нечистой силы. Не было бы этой коллекции в доме, глядишь, и Валерий по сей день был бы жив и здоров.

Для меня во всяком случае контакт – пусть и скоротечный – с нечистой силой был более чем убедительным. Один торшер чего стоил! Но Алька склонен был смотреть на вещи менее мистически и объяснил мне, что торшер – старый, внутри него элементарно могли загореться перетершиеся провода, и вообще вот в этом как раз ничего мистического нет.

Но то, что я освятила квартиру и выбросила коллекцию, он считал правильным. Во всяком случае сказал, что теперь он уедет в Англию относительно спокойным за мое психическое здоровье. А мне лучше заняться конкретным делом: своими переводами и разборкой оставшихся вещей Валерия. Что-то можно отнести в Красный Крест, что-то просто выбросить, что-то – продать, например, массивный серебряный портсигар и большую часть библиотеки.

– Зачем тебе книги по истории философии? – здраво спросил он. – И мебель кое-какую тоже можно антикварам продать. Приеду на каникулы, мы с тобой конфетку из квартиры сделаем!

Мой сын как всегда был практиком и оптимистом. Откуда у него эти черты, я не знаю, практицизм уж точно не от меня, а оптимизм – не от Ивана. Но гены иногда дают такое странное сочетание... Не говоря уже про то, что на склад характера, как выяснилось, влияет многое.

Порой даже слишком многое.

Нет, нервы девушке определенно надо лечить. Придумать такое – это же уму непостижимо! Нечистая сила в ее доме, черные кошки, барабашки... Хорошо, что он вовремя с ней развязался, только сумасшедшей женщины рядом ему и не хватало. К счастью, сын пошел не в нее, с психикой там все в порядке.

Но в принципе надо взять на вооружение. Организовать такое шоу технически довольно просто, и если кое-кто из его знакомых дам с не слишком крепкими нервами начнет ему докучать или вмешиваться в его жизнь, он им устроит встречу с дьяволом.

Такую, что долго не забудут.

Глава шестая. Охотоведение с далеко идущими последствиями

Этот сентябрьский день мог смело поспорить с любым летним: ярко-голубое небо не омрачало ни единого облачка, ветра не было как такового, поэтому солнце грело, как последний раз в жизни, а вчерашний дождь смыл с мостовых и тротуаров чуть ли не весь мусор.

Раскрашенный в яркие краски центр Москвы манил витринами и столиками уличных кафе, а я шагала через это великолепие и глотала слезы. Нет, меня никто не обижал, просто самоуверенность сыграла со мной очередную злую шутку и теперь я пожинала ее плоды. И надо сказать, жатва была обильной.

Когда я провожала Алешку за границу в первый раз, я оставалась в Москве не одна, со мной был Валерий. Равно как и все остальные разы. На сей раз провожать сыночка вместе со мной поехал мой бывший муж, и я почему-то была твердо уверена, что и встречу со своим экс-благоверным, и очередную разлуку с любимым ребенком перенесу нормально. Увы...

«Дураков не сеют и не жнут, они сами рождаются», – могла бы я сказать в свое оправдание, и не слишком бы погрешила против истины. Совершенно необязательно было после того, как лайнер взмыл в воздух, принимать приглашение Ивана «где-нибудь посидеть и поговорить». Я могла бы сообразить, что разговаривать нам сейчас уже просто не о чем, но, как говорят в таких случаях в Одессе, «чтоб я был таким умным, как моя жена потом». В любом случае, тот разговор, который все-таки состоялся у нас с Иваном прекрасно можно было отложить на следующий месяц. Или даже год.

Поскольку Иван был на машине, мы доехали от Шереметьева до Ленинградского проспекта и устроились в каком-то небольшом кафе в переулке, где было тихо и прохладно. И тут я совершила вторую за этот день ошибку: согласилась что-нибудь выпить, кроме кофе. Пить в небольших дозах не только вредно, но иногда даже и полезно... только не тогда, когда нервы на пределе, а ты находишься в обществе человека, который не преминет этим воспользоваться. Он и воспользовался, поскольку знал меня очень даже хорошо.

– Ну, и о чем мы с тобой будем говорить? – поинтересовалась я, пока официант, приняв заказ, отошел его исполнять. – О себе, о семье, о любимой книге? Или еще о чем-нибудь эпикальном? Приличные разведенные люди в таких случаях говорят об алиментах, но к счастью для тебя, Алешка в них не нуждается. А через несколько месяцев вообще станет совершенно-летним.

– У тебя только деньги на уме, – поморщился Иван. – Мне казалось, ты сама отказалась от алиментов при разводе.

– Где логика, солнце мое? – невинно поинтересовалась я. – Если отказалась, значит, счастье для меня все-таки не в деньгах.

– Хотел бы сделать тебе комплимент, но выглядишь ты неважно. Хотя два месяца на свежем воздухе, конечно, привели тебя в чувство.

– Кажется, у меня было ртутное отравление, – сообщила я, отпивая принесенный официантом глоток ледяного джина с тоником. – Во всяком случае, так считает Софья Михайловна.

– Но это лечится? – внезапно обеспокоился Иван.

– Все мы там будем, – пожала я плечами. – Вопрос только во времени.

– Вот именно. Но поговорить я с тобой хотел об Алешке.

– То есть?!

Следующий приезд сына Москву намечался только на рождественские каникулы, и то – не обязательно. Он вполне освоился в туманном Альбионе, завел там друзей-приятелей и на Рождество они планировали съездить в Шотландию. Что тут обсуждать, если ребенок-то уже – почти взрослый?

– Что ты собираешься делать со своей квартирой?

– С квартирой? Не знаю... А при чем тут Алешка?

– А при том, что я хотел попросить тебя прописать его у себя. Твои теперешние хоромы размениваются мгновенно на две прекрасные квартиры – тебе и сыну, а моя...

Я невесело усмехнулась.

– Алешка рассказывал, какой ты там евроремонт отгрохал. Даже любопытно посмотреть.

– Доделаю мелочи, обязательно приглашу, – небрежно, как само собой разумеющееся, пробросил Иван.

И я поняла, что визит в мою бывшую квартиру мне не грозит ни при какой погоде. Что означает этот подчеркнуто небрежный тон было мне слишком хорошо известно.

– Так как насчет прописки? – продолжал гнуть свою линию Иван. – При любом раскладе у Алексея должна быть своя жилплощадь в столице.

Никто с этим и не спорил, я сама об этом размышляла много раз, но при паталогической ревности Валерия просто боялась заговаривать с ним о прописке своего чада. Валерий считал, что материально о ребенке должен заботиться отец, который, по слухам, зарабатывал вполне достаточно, чтобы просто купить Алексею скромную «однушку» даже в пределах Третьего кольца.

– Я не возражаю, – сказала я, принимаясь за какой-то салат. – Но дело в том, что еще несколько месяцев я ничего не могу сделать с квартирой: ни продать, ни разменять, ни прописать там кого-нибудь.

– Это еще почему?

– Потому, что в права наследства я могу вступить только через полгода после смерти Валерия.

– Он завещал тебе эту квартиру?

– Нет. Но я же в ней прописана. Через полгода переприватизирую на себя, вот все. Так мне, во всяком случае, сказали в ДЭЗе. А вот после этого тут же пропишу к себе Алешку и буду, не торопясь, искать вариант обмена. Мне бы хотелось, чтобы наши квартиры были недалеко друг от друга. Я не молодею...

Мысль о том, что я не возражаю против его плана и не посягаю на кошелек, как всегда, привела Ивана в почти хорошее расположение духа. В юридические тонкости процесса он, естественно, вдаваться не стал, поскольку, физик-ядерщик, был так же далек от них, как и я. Но вот в бытовых вопросах, точнее, в бытовой сметке всегда давал мне сто очков вперед.

– А если ты умрешь до того, как вступишь в права наследства? – тактично поинтересовался он. – Квартира отойдет государству?

Я даже не рассердилась: Иван есть Иван. Он всегда должен точно знать, на какую подлянку от близких и не очень близких людей может рассчитывать.

– Думаю, Алешка получит ее всю, но через суд. Между прочим, я умирать не собираюсь, ты это в своих планах учти.

– Каких планах? – ошарашено спросил Иван.

– Откуда я знаю. Может, ты хочешь, чтобы я прописала у себя сына, а потом мне на голову упадет кирпич. Или собьет машина.

– И как тебе такое в голову могло прийти? – изумился Иван. – Неужели ты думаешь, что я способен кого-нибудь убить?

– Не кого-нибудь, а меня, – спокойно внесла я поправку. – Перед нашим разводом были и такие высказывания.

– Ну, мало ли чего в запале бывает, – примирительно сказал Иван.

Но я уже начинала злиться. Разговор мне не нравился совершенно, а спиртное потихонечку делало свое дело. А не надо было приходить на пепелище и искать в пустой золе то, чего там не могло сохраниться по определению. Бывшие муж и жена никогда друзьями не станут,

даже хорошие приятели из них не получатся. Максимум возможного – корректно-светские отношения. Бывают, конечно, исключения, но они только подтверждают общее правило.

– В запале много чего бывает, – охотно подтвердила я. – Но теперь ты не в запале, так что ответь мне на один вопрос, пожалуйста. Ты всегда давал мне весьма ограниченную сумму на хозяйство, из чего я сделала вывод, что доходы у тебе весьма умеренные и жить мы должны по средствам. А после развода ты делаешь ремонт, стоимостью в несколько десятков тысяч долларов. На какие, позволь спросить, шиши?

– На те самые, – хитренько усмехнулся Иван. – Я никогда не верил в прочность нашего брака и хотел накопить денег на черный день. Хотел быть материально независимым.

У меня даже дыхание перехватило от негодования.

– Значит, все эти годы, которые я бесконечно подрабатывала и на всем экономила, ты складывал деньги в кубышку? И не ври, что не верил в прочность нашего брака, тебя он вполне устраивал. Просто деньги ты любишь больше, чем все остальное.

– Не столько деньги, – спокойно поправил меня Иван, – сколько то, что на них можно купить. Когда я начинал копить, я просто хотел со временем приобрести машину. А потом ты помнишь, какая свистопляска была в стране десять лет назад? Дураки нищали, умные... Лично меня все реформы нашего обожаемого правительства только обогащали. Да и родительское наследство оказалось вполне существенным.

Отец и мать Ивана погибли страшной смертью: стали жертвой бандитов, которые прилично почистили их дом – один из самых богатых в поселке. Какое-то наследство он, конечно, получил, но вот существенное... Это для меня было новостью. Значит, знал про какие-то тайники, до которых не добрались бандиты, да и дом продал не без выгоды. Обыкновенный, скромный инженер, работник полумертвого «почтового ящика», который только-только начал оживать. Интересные вещи я узнаю, жаль, что с таким опозданием...

– Что ты надулась? – как ни в чем ни бывало спросил Иван.

– Надулась? Я? Не ты ли меня попрекал меркантильностью, когда я обралась замуж за Валерия? Кричал, что эта квартира не принесет мне счастья, что я корыстная и расчетливая эгоистка.

– А что – принесла? – издевательски прищурясь, спросил Иван. – Теперь будешь искать очередного богатенького Буратино? Или в религию ударишься?

– Какая же ты все-таки свинья, Ванька, – сказала я, поднимаясь из-за стола. – Надеюсь, что я тебя больше не увижу, разве что на Алешкиной свадьбе придется общаться. Будь здоров, расти большой. Жилищные проблемы сына я решу без тебя.

Он хотел что-то сказать, но я не стала слушать, повернулась и пошла на улицу, а точнее, куда глаза глядят. Спускаться в метро или даже садиться в троллейбус, чтобы с Ленинградки попасть на Пречистенку мне не хотелось. Хотелось напиться и устроить роскошную истерику, но я пока еще соображала, что ни того, ни другого не имею морального права делать. Я одна и заботиться о себе должна самостоятельно.

К тому же у меня начала болеть голова, чего давно не случалось, и я решила пройти пешком. Не бог весть какое расстояние, а никаких неотложных дел у меня в тот день не было. Разве что найти какой-нибудь букинистический магазин и поговорить насчет того, чтобы кто-нибудь оценил библиотеку Валерия. Деньги бы мне не помешали, а к старинным философским книгам вряд ли кто-нибудь еще когда-нибудь притронется. Если же не удастся продать – попрошу коллег из бывшего валериного института пристроить их в какую-нибудь библиотеку на общественных началах.

Я шла и отвлекала себя этими и подобными мыслями, потому что слезы по-прежнему непроизвольно наворачивались мне на глаза, а пакостный осадок после разговора с Иваном никак не проходил. Я уже забыла, как он умел поддевать и загонять иголки под ногти со своей милой улыбочкой.

Все правильно, я не только пропишу Алешку у себя, я еще сделаю все от меня зависящее, чтобы с отцом он общался как можно реже: не дай Бог, вырастет такой же экземпляр, тогда мне останется только удавиться на могиле Валерия. Решено! Комнату Валерия я со временем вычищу, как следует отремонтирую, может быть, еще раз освящу, для пушей верности, подготовлю все, что нужно для нормальной жизни молодого человека, и запру. Будет во время каникул и отпусков жить у меня в собственной отдельной, а не проходной комнате. Разменять все это великолепие я еще успею.

Размеренное движение постепенно делало свое дело: я стала успокаиваться. Гонорара, полученного за предыдущий перевод, мне должно было хватить месяца на два, а над новым я уже начала работать, так что и будущее вырисовывалось скорее в розовом цвете. Теперь бы и самой выглядеть пристойно... хотя бы. И тут меня осенило.

Волосы у меня по-прежнему выпадали, хотя и не так интенсивно. Вот пойду сейчас в первый попавшийся салон и сделаю самую короткую из всех возможных стрижек. Хуже не будет. Как говорит в таких случаях Галка: «такую красоту испортить невозможно, ее можно только подчеркнуть». Вот и подчеркнем.

Первый попавшийся салон располагался в переулках за Тверской. Я посмотрела прейскурант и поняла, что данное заведение – предел моих возможностей, но поскольку укладку делать не предполагалось, то можно было себе позволить раз в жизни красиво пожить. То-то мои друзья удивятся!

Сорок минут, проведенные в салоне, почти вернули мне утраченное душевное равновесие, но вот уверенности в себе... Из зеркала на меня смотрела тридцатилетняя – максимум – женщина (короткая стрижка действительно молодит, а эта была суперкороткой) со слегка запавшими карими глазами и худым лицом.

Приобретенный на даче загар, конечно, делал картину более приятной на взгляд, но мне еще нужно было привыкнуть к новому облику. Я ведь даже просто короткую стрижку никогда не делала: Иван со свойственной ему деликатностью заявлял, что такую прическу носят только шлюхи (?!), а Валерий обожал расплетать и заплетать мне косу. Теперь же я напоминала сама себе персонаж из фильма «Самая обаятельная и привлекательная», а именно – Сусанну. Ну, и ладно!

Теперь можно еще немножко погулять в направлении дома, выпить где-нибудь чашку кофе, которой я лишилась из-за хамского поведения Ивана, прийти домой и посмотреть какую-нибудь чепуху по телевизору. У меня есть работа, крыша над головой, какие-никакие деньги и даже модная внешность.

Господи, да я же просто счастливая женщина! Ну, а то, что Бог ума не дал – так с ним судиться не будешь. И хватит рыдать над своей растоптанной жизнью, надо высморкаться и двигаться дальше. Бог с ним, с букинистическим, завтра зайду вместо прогулки, все равно магазин есть рядом с нашим метро.

Возле этого самого метро – «Кропоткинская» – я и притормозила, хотя до дома было уже рукой подать, и присела на ближайшую лавочку. Храм Христа Спасителя блистал во всем своем великолепии новодела, по бульвару гуляли мамы с детишками и старушки с собачками, причем последних было явно больше.

Погруженная в собственные мысли, я и не заметила, как вытащила из сумочки сигарету и зажигалку, и очнулась только тогда, когда ощутила во рту привычный вкус дыма. Не знаю, кто как, а я не умею одновременно курить и плакать, так что слезы высохли как-то сами по себе, а я попыталась подвести нечто вроде предварительных итогов.

Выкурив сигарету, я стала соображать, в каком из ближайших кафе кофе не только вкусный, но и не слишком дорогой. Не то, чтобы я так уж любила кафе и рестораны, скорее, жизнь сложилась так, что бывала я в этих заведениях крайне редко, но, видно, сегодня такой день.

Я осмотрелась вокруг и обнаружила, что за время моего пребывания за городом, возле метро кое-что изменилось. Там, где сейчас красовалась вывеска «Камины», раньше было уютное маленькое кафе, куда я любила заходить по дороге из издательства домой, потому что там делали удивительно вкусный кофе по-турецки. А жаль. Значит, придется искать еще какой-то вариант.

Но прежде я вытащила пудреницу и произвела инспекцию лица. То, что я увидела, целиком и полностью отражало краткое и емкое определение: «Без слез не взглянешь». Нет, нужно, не торопясь, привести себя в порядок, а заодно и окончательно успокоиться.

Где-то тут существовало кафе, которое запомнилось мне тем, что там было нечто вроде отдельных кабинок: диваны с высокими спинками надежно закрывали сидящих за столиком от соседей слева и справа. Ну, конечно, вон там, в переулке, в двух шагах. Вывеска – «Черный лебедь» – видна даже отсюда, так что можно попытаться счастья. Надеюсь, там еще не взвинтили цены до уровня «Метрополя». А то с наших коммерсантов станется...

«Черный лебедь» приятно порадовал меня тем, что народу там было очень немного, а цены, в принципе, можно было пережить. То есть чашка кофе меня не разорит, могу себе позволить даже две. Посижу, покурю в цивилизованной обстановке, поправлю лицо. А там и домой можно отправляться. Тем более что к определенному часу мне возвращаться необязательно, я женщина свободная и независимая, о чем периодически пока еще забывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.